

Клуб ветеранов правоохранительных органов Эстонии

Мы родом из милиции

Стихи, проза, фотографии

Таллинн
2016

**Клуб ветеранов правоохранительных органов Эстонии
Мы родом из милиции. Стихи, проза, фотографии**

*Клуб ветеранов правоохранительных органов Эстонии
выражает искреннюю благодарность за помощь в выпуске
этой книги Г. Костроме, А. Чулицкому, Н. Тартынских,
В. Прокофьеву, Ю. Полякову, А. Кузнецову, М. Григоряну*

Авторы-составители: Сергей Богданов, Иван Кастюк
Макет, верстка, обложка: Эмма Дарвис
Фотографии: из архивов авторов

Типография Alfapress

В сборник вошли поэтические, прозаические и фотографические произведения авторов, чья жизнь и работа неразрывно связаны с правоохранительными органами Эстонии. Тексты публикуются в авторской редакции.

Таллинн, 2016

*Светлой памяти создателя
Клуба ветеранов МВД Эстонии
Василия Родионовича Грищенко
посвящается*

ВАСИЛИЙ ГРИЩЕНКОВ

Полковник милиции

Василий Родионович Грищенко родился в 1939 году в поселке Веремейки Могилевской области Белоруссии. В 1964 году окончил Таллиннскую школу милиции, а в 1979-м – Академию МВД СССР. В 1964–1991 годах работал в МВД Эстонии на разных должностях, с 1984 по 1991 год был начальником УБХСС-УБЭП МВД Эстонии. Заслуженный работник МВД, член коллегии. В 1991 году вышел на пенсию в звании полковника. Впоследствии оказывал помощь работникам полиции Эстонии в организации служебной деятельности. Создатель Клуба ветеранов правоохранительных органов Эстонии. Умер в 2014 году.

Зарисовки о природе

Ласточки

Над садом носились ласточки, выполняя очень сложные фигуры высшего пилотажа. Я заметил сидящих на проводах электролинии ласточек и решил за ними понаблюдать. К ним периодически подлетали другие ласточки и передавали им что-то из клюва в клюв. Видимо, те, что сидели на проводах, были птенцами, только что ставшими на крыло, и родители их кормили.

Это чудесное зрелище продолжалось некоторое время. Но вдруг ласточки забеспокоились, тревожно закричали. Вижу, как со стороны леса вылетела огромная ворона в сопровождении двух сорок. Птенцы мгновенно сорвались с проводов, присоединились к подлетевшим родителям и рассыпались в разные стороны.

Ворона и сороки пролетели своим курсом и скрылись из виду. И снова ласточки весело закружились над садом в сложных пируэтах, то пикируя к земле, то стремительно взмывая ввысь. А где же птенцы? Присматриваюсь и замечаю, что одни ласточки меньше других и менее уверенно справляются с фигурами высшего пилотажа. Но что это? В воздухе, на лету, к птенцам подлетают родители и снова кормят их из клюва в клюв. Я ликую. Настоящая дозаправка в воздухе!

Как мудра мать-природа! Как в ней все слаженно и гармонично! Радуйся, человек, и учись у природы-матери уму-разуму!

Скворцы

На садовом участке у меня один скворечник. Каждую весну я с нетерпением жду появления дорогих гостей. Они прилетают, обустроиваются. А какие мелодии дарят по утрам, заслушаешься! Но вот наступила пора заботы о потомстве. Работы у них много – сидка, уход и кормление птенцов. Трудятся с утра до вечера, песен почти не поют. Когда птенцы подрастают, забот прибавляется. Надо больше корму добыть, птенцов на крыло поставить.

Наблюдаю такую картину. Все птенцы покинули домик, но один никак не желает или не может улететь. Прилетает родитель с червячком. Птенец выглядывает из скворечника, хватает клювом кончик червячка и тянет к себе, но родитель не отпускает и тоже тянет к себе, пытаясь вытащить птенца. Перетягивание заканчивается тем, что родитель сильно дергает червячка, птенец вываливается из домика, инстинктивно взмахивает крылышками, летит метров двадцать вниз и опускается на землю. Рядом с ним тут же приземляется и скворец-родитель. Вот это забота! Вот это наука!

P.S.

После вылета птенцов скворцы обычно сбиваются в стаи, старшие тренируют и учат

молодежь, готовятся в дальнюю дорогу. Но перед отлетом они всей семьей обязательно прилетят на несколько дней в родной дом попрощаться, порадуют песней и улетят. Доброй дороги вам, друзья, говорю я им. Возвращайтесь! До встречи!

Аист

В голубом далеком небе парит аист. То в восходящих потоках воздуха плавно описывает круги, то, взмахнув пару раз крыльями, поднимается выше, явно наслаждаясь полетом. Смотришь и восхищаешься его полетом, и тоже получаешь необыкновенное наслаждение.

Вот это свобода! Без всяких регламентов и правил, которые устанавливает для себя человек. Человеку говорят, что он свободен. Нет, человек не свободен, он лишен первозданной свободы, которая есть у аиста. Техника и глобализация поглотили свободу, закрепили человека, сделали его своим рабом. Нескончаемое потребительство и вещизм, погоня за удовольствиями окончательно сделали его придатком существующей системы вещей.

Тысячу раз прав тот, кто сказал: рожденный ползать летать не может. Разве космонавт или пилот свободны? Конечно, нет! Они – роботы, связанные множеством всевозможных правил и инструкций, испытывающие неимоверное напряжение всех сил. О каком свободном полете может идти речь?

Только природа и только в природе – истинная свобода. Говорят, что человек – венец природы. Разве это так? Посмотрите, что натворил человек. Он, как ненасытный зверь, загадил Землю, отравил атмосферу, рвется в Космос. Природа плачет.

Говорят, все во имя прогресса. Какой же это прогресс, когда все на Земле отравлено, гибнут целые виды фауны и флоры, распространяются смертельные болезни? Когда выдумываются и придумываются все новые и новые изощренные виды удовольствий и потребления?

Остановись, одумайся, человек! Озаботься! Ведь на Земле много неотложных дел, которые надо решать: болезни, голод, распри, войны. Займись добрыми делами. Разве разумно копить горы смертоносного оружия, совершенствовать его и придумывать новые виды, когда целые континенты и народы страдают от голода и болезней? Человек на земле чувствует себя неуютно, но остановиться и одуматься при существующей системе вещей не может. Только изменив существующую систему вещей, можно спастись.

Не опоздай, человек!

Вороны

В лесу рядом с садовым участком поселились и живут вороны и другие птицы. Вороны на макушках елей устраивают посиделки, пе-

реклички и разборки между собой и с другими птицами. Иногда даже вороны хорошо поют, получается совсем неплохо.

Вороны – очень смекалистые и мудрые птицы. При разборках они ловко обводят других птиц вокруг пальца. Они быстро привыкают к человеку и не боятся его.

Я заметил, что вороны ходят по картофельным грядкам и лапками рыхлят землю. Оказывается, они выкапывают клубни молодой картошки и лакомятся. Но надо ли на них обижаться? Ведь они это делают непреднамеренно, без цели причинить вред человеку. Они тоже хотят полакомиться молодой свеженькой картошкой.

Отлет журавлей

Осень. Созерцаю природу. Тишина. Ласточки и скворцы уже улетели. На деревьях и на цветах лежит необъяснимая грусть. В небе над лесом летит косяк журавлей. Их тревожные и тоскливые крики невольно пробуждают грусть, щемящую тоску и чувство незащищенности. Журавли покидают родные места, чтобы снова вернуться.

Так природой устроено житие на нашей планете, и ее зов для всех обитателей непреложен. Нам нужно только беречь ее и жить в согласии с ней.

Паук и стрекоза

Было это летом на садовом участке. Стоял нежаркий погожий день. В полдень из кустов смородины стали доноситься странные звуки – стрекотание и хлопки. Я подошел поближе и увидел такую картину.

На одном из кустов паук расставил свои сети, и в них угодила большая красавица-стрекоза, можно сказать, редкий экземпляр. Да еще как угодила! Замоталась на самом конце длинной паутинки-ниточки, идущей из центра паучьего гнезда, и окончательно увязла. Пытаясь освободиться из плена, она мощно работала крыльями. Но тщетно. В центре паутины-сетки я увидел и виновника – большого серого паука. Он сидел неподвижно выжидал, наблюдая за своей жертвой. Совершаемые стрекозой круговые движения постепенно слабели и наконец затухли. Выбившись из сил, пленница повисла на паутинке-ниточке. Паук зашевелился и медленно двинулся в сторону жертвы. Но не тут-то было! Стрекоза, почувствовав опасность, вздрогнула и, хлопнув крыльями, снова закружилась в своем спасительном танце. Паук ретировался на исходную позицию. Такая ситуация повторилась не один раз. Но было видно, что пленницу покидают последние силы.

Я размышлял, как поступить в данной ситуации. Хотелось оказать помощь пленнице, но справедливо ли это будет по отношению к

пауку? Ведь расставленные им сети – это его законный промысел, способ добычи пропитания, который дала ему природа. Имею ли я право вмешиваться в этот процесс?

Наконец случилось то, что должно было случиться. Окончательно обессилев, стрекоза неподвижно повисла на паутине-ниточке. Паук решительно и быстро двинулся в сторону жертвы, и расстояние между ними неутомимо сокращалось. В это мгновение мои чувства окончательно взяли верх над моими доводами, и я был готов немедленно освободить стрекозу. И, о, чудо! Стрекоза собрала последние силы, сделала резкий рывок и, хлопнув крыльями, высвободилась из паутинки! Сначала упала на землю, а затем стремительно взмыла ввысь, полетела в сторону леса и опустилась на макушку самой высокой ели.

В моей душе заиграла музыка – симфония природе. Как благополучно все разрешилось! Какие неизмеримые силы приходят в момент опасности и желания обрести свободу! Как мудра природа!

А что же паук? От такой неожиданной развязки он оцепенел и долго сидел неподвижно. Затем, недовольный, медленно пополз назад в свое гнездо. И понять его можно.

Соловей и рама

Жарким солнечным днем я решил покрасить оконные рамы. А для удобства снял их с пе-

тель и выставил на открытую веранду. Работа спорилась. Закончив покраску, я оставил рамы на веранде и пошел в дом. Через какое-то время услышал сильный хлопок. «Что бы это могло быть», – подумал я. Вышел на веранду, осмотрелся. И поскольку все было в порядке, вернулся в дом. Но странное чувство беспокойства не покидало меня. Снова вышел на веранду и осмотрелся внимательнее.

И тут все стало ясно: на полу у рамы лежала бездыханная птица. По внешним признакам – соловей. Видимых следов ранения не было, только приоткрытый клюв и высунутый длинный язычок. Привести птицу в чувство мне не удалось. «Что же случилось, почему она погибла?» – размышлял я. И тут пришла догадка: на лету и на большой скорости она врезалась в стекло рамы. Я всмотрелся в них и увидел зеркальное отражение окружающего мира: голубое небо, лес, деревья в саду... Видимо, соловей, увлекшись погоней, принял зеркальное отражение за реальный мир, спикировал и погиб.

Меня долго мучило это происшествие. Я корил себя за оставленные на веранде рамы. Рассказал о случившемся соседям по даче. Все переживали. Схоронили погибшую птицу и подумали, что своей неосмотрительностью наносим природе немало вреда. В душе остались чувство вины и досада.

Элегия

Как прекрасно у моря,
Где ажурная пена
На песке оставляет
Следы-кружева.

Как прекрасно у моря,
Где по синему небу,
По бездонному небу
Золотые плывут облака.

Как прекрасно у моря
На закате встречаться.
Волны, неба касаясь,
Не дают нам расстаться.

Я шепчу тебе нежно.
Волны нас обнимают.
Здесь любовь и надежда
Нас всегда ожидают.

Я – дачник

Свое авто я разгоняю,
Будто это автодром.
Так внимание привлекаю.
Пыль клубится вслед столбом.

Кто-то хочет позабыться
И от шума отдохнуть,
Тут природой насладиться,
Птиц послушать и вздохнуть.

Громко музыку включаю
И костер я разведу,
Дыму-гари напускаю,
Всю округу задымлю.

Отравляю атмосферу –
Жизнь всего одну живу.
Здесь себя я утверждаю,
Здесь я – барин, все могу!

У меня с собой мобира,
Телевизор и лаптоп.
Отрываюсь в полной мере,
Ну а дальше – хоть потоп.

Это ж дача. Вход свободный.
Это ж, право, не тюрьма.
Тара-рам такой устрою –
Веселись, гуляй душа!

А ворота выездные
Еще надо закрывать.
Что за глупость? Кто придумал?
Мне на это начихать!

Свет включаю, не выключаю,
Хоть на улице светло.
Потому что точно знаю:
Все заплатят все равно.

Что до совести, то штука
Мне уж точно ни к чему.
Это все по барабану,
Это все по качану!

Лубья, 4. УГРО посвящается

«Лубянка», ты – твердыня сыска!
Здесь выросли твои бойцы.
Они мужали, закалялись.
В конечном счете стали сыскари!

И в темь, и в дождь, идя грозе навстречу,
Чтоб от беды спасти людей,
Не думая о своем личном, –
Такой уж почерк сыскарей.

Здесь нет начальников крикливых и болтливых,
Здесь все – одна единая семья.
Девиз этих парней, когда есть дело,
«Прорвемся, опера!»

Сыск вечен, он увенчан славой
За тяжкий труд, за смелость оперов.
Традиции сысканого дела славные
Идут из глубины и седины веков.

Так будем преданы родному сыску,
Название которому УГРО.
Традиции останутся навечно,
Какое б время ныне не пришло!

«Лубянка»! Ты ведь снова возродишься,
Ты есть святое место сыскарей.
Девизом вечным служат им слова:
«Прорвемся, опера!»

Эстимаа, ты – родная земля,
 Сколько бурь и невзгод
 Над тобой пронеслось.
 Горькой доля казалась,
 Но мечта о свободе в народе жила.
 Наша воля в борьбе закалялась!

И вот время пришло,
 Наше счастье пришло,
 Засияло нам солнце Свободы.
 И в Балтийскую цепь
 Против воли других
 Дружно встали соседи-народы.

Эстимаа, ты родная – земля,
 Ты цветы, расцветай буйным цветом.
 Триколор на ветру гордо реет вверху,
 Озаряя страну ярким светом.

**Здание Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР.
1975 год.**

Курсанты Таллиннской школы милиции МВД СССР. 1947 год.

Награждение лучших сотрудников милиции медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». В первом ряду в центре – первый секретарь ЦК КП Эстонии Йоханнес Кэбин. 1968 год.

НАТАЛЬЯ ВЕЕБЕР

Наталья Веебер – журналист. Окончила филологический факультет Тартуского университета. С 1990 по 2004 год работала пресс-секретарем Департамента полиции Эстонии. Автор книги «Недосказанная легенда» об эстонском композиторе Раймонде Валгре (Таллинн, 2010), поэтического сборника «Ностальгия» (Таллинн, 2011), соавтор сборника «Музеи Сетумаа. Музей Саатсе» (Таллинн, 2005), сборника «Сетумаа 6» (Таллинн-Саатсе, 2014). Автор статей на криминальные, педагогические, культурные темы.

Дед

Миша был для деда светом в окне, и дед для него – тоже. Да и как иначе, ведь рано овдовевший Виктор Степанович сам вырастил внука. Он был ему за отца и за мать, потому и не женился во второй раз. У единственной дочери Марии личная жизнь не сложилась. После окончания средней школы учиться дальше, несмотря на уговоры родителей, она не пошла, устроилась секретаршей, закрутила роман с женатым человеком, а потом родился сын. Отец ребенка, чужой муж, семью свою не оставил, а сына и вовсе отказался признать.

Когда мальчику исполнилось два года, Маша уехала на заработки в Америку да так и осталась за океаном. Иногда приезжала в родной город, но, погостив с месяц, улетала снова. Короткие встречи, телефонные разговоры, письма, денежные переводы и посылки, но мамы у Миши рядом не было.

Вот и стал дед самым близким человеком. Бабушку мальчик помнил плохо, она умерла, когда ему едва исполнилось пять лет. А дед был рядом всегда. Он водил его в детский сад, отправлял в школу. Когда Миша болел, дед от него не отходил, лечил народными средствами, водил по врачам. И отдыхали они всегда вместе, ходили в кино, на выходных частенько уезжали на озеро, ночевали в палатке, рыба-

чили, собирали грибы и ягоды. Иногда брали с собой школьного товарища Сашу, который жил рядом и сидел с Мишей за одной партой.

Незаметно мальчишки выросли, окончили школу, вместе поступили в техникум, после него подумывали об институте, но, поразмыслив, решили с высшим образованием повременить, а открыть свое дело и заработать денег. Друзья создали небольшую фирму по приему цветных металлов.

В начале 1990-х годов налаженная размеренная жизнь людей резко изменилась, каждый пытался выжить как мог. Бывшие государственные предприятия приватизировались, всюду царили хаос, неразбериха, беспредел.

Поначалу у новоиспеченных бизнесменов дела шли хорошо. Миша был за старшего, а Александр – его хорошим помощником. Виктор Степанович вложил в бизнес внука приличную сумму и во всем ему помогал, а когда вышел на пенсию, по ночам стал дежурить на фирме сторожем.

Сначала Миша ездил на «москвиче» деда. Через какое-то время в Германии приобрели светло-синий БМВ, не новый, но вполне приличный, который они с напарником сами и пригнали из Европы.

Как-то в погожий весенний день Миша приехал домой не один, а со своей новой секретаршей, с которой был знаком еще со

школы. Лена училась в параллельном классе, а Миша был в нее давно влюблен. После выпускного вечера они долго не виделись и встретились случайно. Лена поведала, что ищет работу, Миша с радостью пригласил девушку к себе в фирму, на что та не раздумывая согласилась. Первая любовь вспыхнула с новой силой, Миша и впрямь потерял голову и вскоре сделал Лене предложение.

Виктор Степанович решение внука не одобрил. Во-первых, по его разумению, заводить семью было рано, а во-вторых, Лена ему не нравилась. Манерная, неестественная, рассеянный бегающий взгляд. Несмотря на довольно привлекательную внешность, было в ней что-то отталкивающее.

Но жить с ней предстояло не деду, а внуку, который, похоже, недостатков в избраннице не замечал. В июне сыграли свадьбу, стали жить втроем: дед – в своей старой половине, а молодожены – в новой пристройке.

Частенько к молодым приходил Саша. Навещал он Лену и тогда, когда Миша уезжал в командировки. Виктор Степанович не раз замечал, что между Еленой и Александром что-то есть, а однажды воочию убедился, что не ошибся. Было больно за своего доверчивого влюбленного внука, но сказать ему о своих подозрениях не хватало духу. Виктор Степанович хорошо понимал, что семейная жизнь Михаила обречена на неудачу.

А между тем цветной бизнес внука не то чтобы процветал, но шел по тем временам неплохо. А времена были тревожными, криминальная обстановка – опасной. В начале 90-х годов шел передел сфер влияния между преступными группировками. Газетные хроники пестрели сообщениями о криминальных разборках и перестрелках, происходивших даже средь бела дня. В этих нелепых бойнях молодые люди гибли, иногда при неизвестных обстоятельствах бесследно исчезали. Криминальная полиция работала в усиленном режиме, часть преступлений успешно раскрывалась, а часть так и оставалась в списке глухарей.

Виктор Степанович тревожился за внука, особенно когда тот неожиданно уезжал из города. Он не раз спрашивал Мишу, не угрожает ли ему кто, не опасен ли этот его цветной бизнес, на что внук всегда отделялся шутками, заверял деда, что ему ничего не угрожает и что у него есть надежная крыша в лице местного криминального авторитета. Виктору Степановичу известие об этой самой крыше было не по душе, но он хорошо понимал, что без нее в такие опасные времена обойтись нельзя.

Незаметно пробежало лето, наступила осень, потом – зима. Она выдалась теплой, с мокрым снегом и гололедом на дорогах. Встретили Новый год, Рождество отмечали дважды – лютеранское и православное, в

Эстонии так повелось во многих семьях. Ненадолго из Америки прилетала Маша.

Шло время. Михаил по-прежнему частенько отлучался из дома по делам, иногда уезжал в Россию, а Саша с упорным постоянством навещал в его отсутствии Лену. Виктор Степанович переживал за внука, не раз пытался поговорить с невесткой. Однажды этот разговор состоялся. Лена без тени смущения коротко ответила, что с Александром ее связывают чисто деловые и дружеские отношения. Виктор Степанович твердо решил для себя, что непременно поговорит с Мишей на эту тему при первом удобном случае, но время шло, а нелегкий разговор откладывался.

Пришла весна, зацвели яблони, наступили светлые ночи. Однажды таким прозрачным вечером Миша собрался в очередную командировку. «Буду через пару дней», – заверил он деда, садясь за руль. Но через два дня он не приехал, не появился через неделю и через месяц.

Виктор Степанович предчувствовал беду. Он не находил себе места и прекрасно понимал, что если бы с внуком ничего не случилось, тот давно бы вернулся или дал о себе знать. Сердце ныло и подсказывало, что Миши нет в живых. Прилетала из Америки дочь, они вместе плакали и горевали. Маша обогрела отца, навела в доме порядок и снова улетела, обещав вскоре вернуться.

Виктор Степанович остался один. Бежали дни, надежды на хорошее не оставалось. Убитый горем, он пил валерьянку и частенько клал под язык валидол. Но расслабиться и замкнуться на постигшей беде он все-таки себе не позволял. Сейчас самым главным было найти останки внука и по-христиански предать их земле.

Виктор Степанович заявил в полицию об исчезновении Михаила и чуть ли не каждый день наведывался в кабинет инспектора, ведущего розыск пропавших без вести людей. Стражу порядка эти визиты были явно не по душе, завидя Виктора Степановича, он выражал слова сочувствия, беспомощно разводил руками и заявлял, что на данном этапе никаких новостей нет.

А между тем делами фирмы стал заправлять Саша, Лена помогала ему, они и жить-то стали вместе. Исчезновением Михаила оба, похоже, шокированы не были. В душе Виктор Степанович был возмущен их реакцией и поведением. Ему стало известно, что Александра и Лену неоднократно вызывали в полицию. Он не раз думал о том, что эта парочка причастна к исчезновению внука, но подобные мысли старался от себя отгонять.

Однажды утром раздался телефонный звонок. Из полиции сообщили, что их светло-синий БМВ найден охотниками целым и невредимым в соседнем уезде у болота в глухом

лесу. Обнаруженный пустой автомобиль давал основание полицейским предположить, что его пропавший без вести хозяин убит. По факту было возбуждено уголовное дело. Но время шло, а вялое полицейское расследование никаких результатов не давало.

И как ни тяжело было убитому горем Виктору Степановичу, но бездействовать, ожидая новостей, он не мог, решил собраться с силами и вести поиски самостоятельно. Для начала он составил текст объявления, в котором кратко, но ясно изложил обстоятельства исчезновения Михаила, описал его приметы и указал свой номер телефона. Текст под копирку переписал несколько раз своим убористым красивым почерком, каждое объявление аккуратно вырезал и расклеил по городу, а через пару дней проехался по уезду и оставил объявления на автобусных остановках.

От мыслей и предположений, что же могло произойти с Мишей, у него разламывалась голова и болело сердце. Он даже решил встретиться с криминальным авторитетом, обеспечивавшим крышу Мишиной фирме, чтобы узнать, не был ли внук замешан в какую-нибудь темную историю. Он позвонил этому авторитету, договорились о встрече.

Молодой здоровый парень в кожаной куртке приехал на иномарке в указанное место точно в назначенное время. Виктор Степанович сразу узнал в нем одного из трех брать-

ев, живших на соседней улице и учившихся в одной с внуком школе. Повзрослев, все трое громко заявили о себе в криминальном мире, о чем знала не только полиция, но и весь город.

Авторитет тоже узнал Виктора Степановича, говорил с ним уважительно, заверил, что Михаил никому не задолжал и в разборках не замешан, а напоследок намекнул, что о его исчезновении больше может знать Александр.

Мысль о причастности Саши к исчезновению внука изначально не давала Виктору Степановичу покоя, и он поделился своими подозрениями с полицейскими. Впрочем, и у них это была одна из основных версий, которую они отрабатывали.

Город и уезд пестрели расклеенными Виктором Степановичем объявлениями, но его телефон молчал. Дня через три звонок все-таки раздался. Женщина с легким эстонским акцентом сообщила, что на уездной проселочной дороге в указанный промежуток времени видела похожий автомобиль. Было светло, она хорошо разглядела, что в машине рядом с водителем сидел мужчина, по описанию похожий на Александра.

Сомнений в том, что он и был рядом с внуком, у Виктора Степановича не осталось.

В ходе расследования полицейские обнаружили в автомобиле вещественные доказательства, указывающие на причастность

Александра к преступлению. По подозрению в умышленном убийстве он был арестован, а некоторое время спустя ему предъявили обвинение.

Александр признался, что убил напарника выстрелом в затылок, обманным путем заманив в лес. Он указал место, где спрятал тело своего одноклассника, забросав его старой листвой и еловыми ветками. Мотив совершения преступления – корысть, желание единолично владеть бизнесом, а заодно беспрепятственно быть с Леной.

После тяжелой процедуры опознания Виктор Степанович, не дождавшись дочери, похоронил внука.

Потом начался судебный процесс, на котором он выступал как потерпевший. Судебные заседания проходили как в страшном сне. Виктору Степановичу было очень тяжело. В его умной седой голове не укладывалось, что такое могло произойти, да не с кем-то и где-то, а с его единственным любимым внуком. Суд признал Александра виновным и приговорил к длительному тюремному сроку.

После суда потянулась вереница серых, одиноких, безрадостных дней. Виктор Степанович не роптал, не сетовал на судьбу, которая так жестоко обошлась с ним, но жизнь потеряла всякий смысл. Он доживал свой век и, казалось, навсегда разучился улыбаться, радоваться и смеяться. Дочь часто звонила, за-

ла переехать к ней в Америку, но для него это было неприемлемо. Каждый день в любую погоду он ездил на могилу внука.

Однажды поздней осенью, возвращаясь с кладбища, Виктор Степанович увидел на обочине дороги котенка. Он проехал мимо, но вдруг, с болью подумав о несчастном животном, которое безжалостно оставили в лесу погибать, развернулся и поехал назад. Обессиливший зверек просил помощи и громко, жалобно мяукал. Виктор Степанович взял его, дрожащего, на руки, посадил за пазуху и поехал по мокрому шоссе в город. По дороге решил, что отдаст найденыша соседке, очень уж она горевала по своему пропавшему Барсику.

Дома он напоил кота теплым молоком, тот отогрелся, успокоился и мурлыча уснул.

Ранним утром Виктор Степанович проснулся от грохота. Это отдохнувший котенок весело осваивал территорию – носился по дому, высоко подпрыгивал, играл со своим хвостом. Виктор Степанович невольно залюбовался им и с интересом стал наблюдать за ловкими кошачьими трюками.

Неожиданно для себя он усмехнулся, а потом от души, громко засмеялся – впервые за последнее время. Глядя на котенка, он подумал, что со временем из него вырастет большой красивый кот, что именно таких, полосатых, любил внук и что именно такие когда-то жили в их доме.

Виктору Степановичу стало жаль расставаться со своим найденышем. Глубоко вздохнув, он сказал то ли себе, то ли ему: «Миша наверняка не отдал бы тебя никому. И я не отдам, со мной останешься».

Младший сержант Голицын (второй ряд слева) и младший лейтенант Тартынских (на переднем плане) на республиканских соревнованиях по милицмейскому многоборью в 1968 году.

Встреча через 48 лет. Генерал-лейтенант Голицын (слева) и полковник Тартынских (вышел на пенсию в 1983 году в звании майора) в Таллинне в 2014 году.

В 1968 году в Огре состоялись первые Всесоюзные соревнования Главного управления МВД СССР по милицейскому многоборью. Участник команды от Эстонии Николай Тартынских (слева) стал призером в разряде «техника вождения мотоцикла».

Старт соревнований. На этом первенстве в касках выступала только команда Эстонии.

На трассе. За рулем – майор Николай Асякин, сзади – старший лейтенант Валентин Прокофьев, в коляске – сержант Николай Тартынских.

ИВАН КАСТЮК

Подполковник милиции

Иван Романович Кастюк родился в Гродненской области Белоруссии в 1946 году. В 1970 году окончил Таллиннскую школу милиции, а в 1979-м – Академию МВД СССР. Работал на разных должностях в милиции Таллинна, в том числе инспектором уголовного розыска по делам несовершеннолетних Калининского РОВД. Вышел на пенсию с должности начальника Маардуского отделения милиции в звании подполковника в 1991 году.

Милиционер-пенсционер о времени и жизни

Как Часовой, стоял на страже
Спокойной жизни и труда.
И жил таким, не зная даже,
Что им остался навсегда.

Мой труд, как служба: школа, дети
И тот порядок деловой.
Ведь за него всегда в ответе
Стоит на страже Часовой.

Я – Часовой. В ладони этой
С ключом по школе я бегу.
И детский смех, и их утехи
Здесь по привычке берегу.

И мир стал ясным и певучим.
И так всех тянет поутру:
Птицу – в небо, прямо к тучам,
Меня – в школу и к труду.

Мы из милиции

Мы из милиции пришли,
Чтобы порядок навести,
Очистить улицы, дворы
От всякой шантрапы.

Мы были не одни –
И ДНД*, и ОКОД** за нами шли.
И вместе были мы сильны,
Порядок верно берегли.

Дни и ночи мы пахали,
Преступленья раскрывали,
Покой людей оберегали
И героями себя не почитали.

Были засады и погони.
И в них мы часто рисковали,
Про чувство страха забывали,
Но и оружия не применяли.

Закон всегда мы уважали,
Свой долг мы честно выполняли.
И для народа и страны
Мы сил были полны.

* ДНД – Добровольная народная дружина

** ОКОД – Оперативный комсомольский отряд дружины

В газетах о нас не писали,
Но все же очень уважали,
Фельетоны и стихи слагали
И ласково ментами называли.

Мы не завидуем себе
И своей лихой судьбе.
И сейчас живем не тужим,
По старинке дальше служим.

Встреча

Года уносят от событий
Всех в неизведанную даль,
Где вместо жизненных открытий
Нас ждет тоскливая печаль.

Несемся мы, не зная срока.
Зачем? Куда? И почему?
И некому нам дать урока
Происходящему всему.

И в суете грядущих дней
С надеждой ждем желанной встречи.
И, как всегда, мы рады ей,
Врачу, которая нас лечит!

Сегодня встретился Иван
С Великим Ездаковым.
И заиграл в руке стакан
В его машине новой.

И оживилось все вокруг,
Звучат взаимно речи...
Стекло потеть решило вдруг
От этой теплой встречи.

И время потянуло вспять,
Остановилось Солнце в горизонте.
Пенсионеры стали вспоминать
Себя на милицейском фронте.

Пускай уносятся года –
Мы остаемся все такими:
Сегодня, завтра и всегда
При встречах – молодыми.

Иван Кастюк ведет прием населения по личным вопросам. 1985 год.

Отряд трудновоспитуемых подростков Калининского района Таллинна на сельхозработах в совхозе Ыйсу с командирами отряда – старшим лейтенантом милиции Иваном Кастюком и лейтенантом милиции Николаем Смольским. 1975 год.

***Помощник дежурного по Морскому РОВД старшина милиции Петр
Рогачев. 1982 год.***

***Иван Кастюк удивляет друзей обилием грибов в Беловежской пуще.
1979 год.***

ВЯЧЕСЛАВ КОНОВАЛОВ

Подполковник милиции

Вячеслав Александрович Коновалов родился в 1935 году в городе Речица Белорусской ССР. После окончания средней школы служил на флоте в Таллинне. В 1961 году с отличием окончил Таллиннскую школу милиции, а затем – Высшую школу МВД СССР. В 1961–1989 годах работал на разных должностях в органах МВД Таллинна. В 1989 году вышел на пенсию с должности начальника отдела охраны Калининского района Таллинна в звании подполковника.

О женской моде

Платье женское редкостью стало,
Да и женственность в джинсы ушла.
Юбок-платьев для женщины мало!
Брюки смело мужские взяла.

Стан, осанку, фигуру не скроет,
Красота и уродство видны.
Не идут, словно павы, а скачут
Или топают, словно слоны.

Где остались походка принцессы,
Мини, макси и ласковый взгляд?
Видно, подвиг – стремление прогресса,
Не посмотрит, не взглянет назад.

С женой я в Сочи отдыхал.
С путевкой я, она – дикаркой.
Я ей свиданья назначал
У моря иль в тенистом парке.

Она являлась на свиданье,
Как будто я и не супруг.
И было трепетным прощанье,
Ведь не завел курортных я подруг.

С женой, конечно же, спокойней,
Легко решать любовные дела.
Уж не пойдешь-ка ты налево,
Когда она с тобой мила.

Ангел-хранитель

Ангел-хранитель – вера людская,
Истоки далеких и древних веков.
Народ обращается с трепетом в сердце
Как бы к посланнику наших богов.

Ангел-хранитель, где ты бываешь?
Лучше почаще был бы со мной.
Ты в облаках по небу витаешь?
Уж прилетай поскорее домой!

Мне твоя помощь, конечно, полезней,
Чем обращаться, ходить по врачам.
Мне и общаться с тобою приятней.
Может, моим поможешь ногам?

Желанья мои, возможно, ты знаешь.
Все мои боли, терзанья души,
Перенесенные в жизни страданья –
Все в небеса к Богу снеси.

Я о здоровье просить не смею,
Ведь годы мои забрали его.
Я перед Богом один заробею,
Просьбу мою донеси до него.

Если один ты не сможешь осилить,
Что-то подправить в здоровье моем,
Ты подскажи потихоньку на ушко,
Может быть, справиться сможем вдвоем.

Силы свои соберу воедино,
Гены свои в пучок напругу –
Только ты рядом останься со мною,
Проще с тобой я себе помогу.

Ангел-хранитель, ты ведь существуешь?
Дай же мне знать как-нибудь о себе.
Только во сне ты порой прилетаешь,
Нравнодушный к моей судьбе.

И заочно скажу я спасибо,
Ведь наяву не вижу тебя.
Может, порой пролетаешь ты мимо,
Машешь крылом вдали от меня?

Только напрасно об этом мечтаю –
Надежда пустая, как вера в судьбу.
Я безнадежно на небо взираю,
В мыслях дерзаю, что в рай попаду.

А если дерзания эти пустые
И нет оснований так думать всерьез,
Тогда остается лишь каяться Богу
И в церкви молиться, молиться до слез.

Может, услышит и Ангел-хранитель
Слезные к Богу молитвы мои
И подберет в небесах мне обитель,
Где упокоились души родни.

Предков далеких увидеть придется,
И удивленье сорвется с души:
Всех ли мы знаем предков далеких,
Тех, кто давно уж из жизни ушли?

Не сомневаюсь, они меня примут,
Я на земле наш род продлевал.
Как уж сумел и как получилось,
Гены потомкам своим передал.

В этом стихе я что-то придумал.
Ангел-хранителя, может, и нет?
Может, обители нету небесной?
Дай же себе подходящий ответ.

Твои глаза и ласки не забуду,
Подруга нежная моя.
И может быть, случится чудо –
Приеду я в твои края.

И вспомним краткие мгновенья
Тех страстных, обреченных встреч
И неподвластных разуму веленья.
О них нам не придется пожалеть.

И пусть ты улетаешь вскоре,
Меня оставив тут наедине.
Но ты останется в душе и взоре
И будешь приходить ко мне во сне.

Гадюка

Так вот где таилась погибель моя!
В траве притаившись, напала змея,
Коварные зубы мне в руку вонзила
И думала, будет мне сразу могила.

Однако я выдавил яд из руки,
С гадюкой покончив ударом прута,
Сняв этим с себя кой-какие грехи,
Продлив себе жизнь вперед на лета!

Мое сердце болит отчего-то.
Может, кто-то далече грустит?
Может, в жизни не встретил кого-то
Или кем-то давно я забыт?

Все прошло, пролетело мгновенно,
Не вернуть уже времечко вспять.
Удаляется все постепенно,
И его невозможно поймать.

Допускались просчеты, ошибки.
Уж никак их исправить нельзя.
Часть из них вызывает улыбку,
От других проступает слеза.

В нашей жизни друзей маловато.
Нужно узы родства сохранять,
При возможном общении, встречах
Доброту и любовь проявлять.

Друг и соратник Сергей Богданов напутствует Вячеслава Коновалова перед выходом на пенсию. 1985 год.

Новоиспеченный пенсионер Вячеслав Коновалов с улыбкой прощается с сослуживцами. 1985 год.

*Старший
патрульного
экипажа
докладывает
ситуацию на
территории
Калининского
РОВД начальнику
Коновалову.
1982 год.*

*Курсант
Таллиннской
школы милиции
МВД СССР
Вячеслав Коновалов.
1960 год.*

ГРИГОРИЙ КОСТРОМА

Подполковник милиции

Григорий Владимирович Кострома родился в Василевичском районе Гомельской области Белоруссии в 1937 году. После окончания средней школы служил в МВФ СССР. В 1962 году окончил Таллиннскую школу милиции МВД СССР, а в 1967-м – Высшую школу МВД СССР. Работал на разных должностях в органах милиции Таллинна. Вышел на пенсию с должности старшего следователя по особо важным делам Следственного управления МВД ЭССР в 1991 году.

Наш следователь

Случайно встретив эту невысокую и симпатичную женщину, никогда не подумаешь, что она занимает по-мужски трудную должность следователя. И все же это так. Тамара Яковлевна Мянни – капитан милиции, старший следователь отдела внутренних дел Калининского района, отличник милиции, кавалер трех медалей, награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЭССР. А если поближе познакомитесь с ней, непременно удивитесь ее энергии и настойчивости. Несмотря на большую рабочую нагрузку и сжатые процессуальные сроки расследования, Тамара Яковлевна все успевает.

Следствие – это вечный поиск, постоянное напряжение, это решение многочисленных и сложных задач, в которых порой отсутствуют исходные данные. Эти задачи приходится решать Тамаре Яковлевне и ее коллегам. Надо отдать должное: с ними она справляется успешно.

Судите сами. С первых дней работы следователем МВД (а занимает она эту должность с июня 1963 года) Тамара Яковлевна Мянни провела расследование по 613 уголовным делам. Брак в них сведен до минимума – суд во всех случаях подтвердил правоту следователя.

Следователь имеет дело с судьбами заблудших, зачастую душевно опустошенных

людей. Одна судьба, как правило, не похожа на другую. И разобраться в ней, выяснить первопричину падения личности очень трудно. Здесь на помощь следователю приходит наука, сама жизнь, опыт. Все это в сочетании с высоким профессиональным мастерством и приносит Тамаре Мянни успех.

Преступник – хитрый и изворотливый противник, который ничем не гнушается, чтобы выйти из неприятного положения. Кроме того, он имеет много процессуальных прав для своей защиты. Долг следователя – детально разобраться в ситуации, установить истину. Прямо скажем, сложная задача, она под силу немногим. Тут надо полностью выложить себя, быть объективным до конца.

До сих пор Тамара Мянни вспоминает одно дело. Крепко спаянная воровская группа, каждый член ее – опытный, неоднократно судимый преступник. Много краж государственного и личного имущества граждан успели они совершить. Изрядно пришлось потрудиться Тамаре Мянни, чтобы доказать их виновность, скрупулезно исследовать каждый эпизод, каждое доказательство. Не одну бессонную ночь провела она (дня не хватало), анализируя и перебирая в памяти все обстоятельства краж. Оптом дела в суд не пошлешь. Правосудию необходимо качественно и всесторонне проведенное расследование в полном объеме. В противном случае дело возвра-

тится для дополнительного расследования. А это не только брак в работе следователя, но и издержки для государства.

Один из обвиняемых упорно отрицал свою причастность к некоторым кражам, ссылаясь на вымышленных лиц, часто менял показания, пытаясь вывести следствие на ложный путь. И лишь в конце расследования, когда Тамара Мянни нашла неопровержимые улики, заявил: «Ваша взяла, запишите мои правдивые показания».

За этим признанием – длительная борьба за истину, громада исписанных бумаг, неустанные поиски доказательств.

Это только одно дело Тамары Мянни. А ведь таких дел у нее было более шестисот. В Отчетном докладе XXV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что Центральный Комитет уделял и будет впредь уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан. А ведь это и каждодневная работа Тамары Мянни.

Несмотря на постоянную занятость, Тамара Яковлевна всегда найдет время помочь коллегам, подскажет, поправит. В отделе работает много молодых сотрудников, которым еще не хватает опыта. Она – их наставник.

Характер у Тамары Мянни доброжелательный и отзывчивый. В любой беде готова прийти на помощь. В свободное время очень любит читать, книги – ее страсть. По душе ей и домашние хлопоты. Тамара Яковлевна – отменная хозяйка.

И все же главное – следствие. Оно для Тамары Мянни остается основным в жизни. Многие мужчины за время ее работы оставили следствие, тяжело все-таки. Но не таков характер у этой хрупкой на вид женщины. Трудности ее не пугают.

«Наш следователь» – так говорят о Тамаре Мянни те, кто знает ее. Говорят с уважением и восхищением.

«Вечерний Таллин», 10.03.1974

Мундир отца

Я берегу мундир отца,
Старенький, но чистый,
Пробитый пулей подлеца
В день осенний мгlistый.

Я помню этот жуткий день –
Холодный, ветреный, суровый.
Бродила мама, словно тень,
Скрывая взор свой нездоровый.

Мне было трудно удержать
Слезы гнева и утраты.
Я жаждал из дома убежать,
Приблизить час расплаты.

В милицию весной я поступил,
Хотя был слаб и зелен.
Бандита я в притоне задержал,
Потом он был расстрелян.

Я отомстил за все сполна:
За горе, слезы и разлуку.
А что сберечь мундир смогла,
Жму я маме крепко руку.

Поныне в органах служу.
Жизнь протекает бурно.
А на мундир отца гляжу,
Когда бывает трудно.

Грезы

Ты часто снишься мне –
Младая, милая, живая.
Я тебя ловлю везде,
И сна, и отдыха не зная.

Иногда во сне приходишь ты,
Улыбаешься, поешь, плутуешь.
То вдруг встанешь на дыбы
И с другим флиртуешь.

Я тебя, как лето, ожидал.
Выходит, все напрасно.
Такую тяжесть зря таскал –
К моим мучениям ты безучастна.

Незабываемое

Мне не забыть те дни и ночи:
Тревоги, вызовы и сборы,
Жены заплаканные очи
И жаркие с коллегой споры.

Я помню розыски, погони
И радость от раскрытых дел.
Нам звезды изредка цепляли на погоны –
Таков милиции удел.

Мы очень рано поседели.
Делили трудности на всех.
И если что-то не успели,
То это не считай за грех.

Печален в этот час и миг
Вид в прошлом наших комнат.
Подняв в прохладном доме воротник,
Бреду я в парк – убежище влюбленных.

Я знаю, что напрасно сожалеть.
Не рухнет небо при любом исходе.
Минует день, и снова остывать
Придется нашим чувствам и природе.

С рассветом будет мрак редеть.
Зима снежки бросает в чьи-то тени.
И будет девушка сидеть,
Уткнувшись головой в свои колени.

Люблю я лунные ночи

Люблю я лунные ночи
И запах притихших полей.
Люблю твои серые очи –
Что может быть в жизни милей?

Мы многое в жизни теряли,
Прошли через тучи невзгод.
Но в итог себе записали
Лишь счастья сплошной эпизод.

*Поздравление
выпускника
Таллиннской
специальной
средней школы
милиции
МВД СССР.
1971 год.*

*Сотрудники Калининского РОВД во время строевого смотра.
1982 год.*

Выступление вокально-инструментального ансамбля Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР. 1984 год.

Строевой смотр в ТССШМ МВД ЭССР. 1960 год.

ЮЗЕФ ЛИВШИЦ

Юзеф Максович Лившиц родился в 1932 году в Ленинграде. С отличием окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. В 1955 году был курсантом Всесоюзных курсов переподготовки работников уголовного розыска в Таллиннской школе милиции, а затем, до 1963 года, — преподавателем юридических дисциплин в ТШМ. Кандидатскую диссертацию по уголовному праву защитил в Тартуском университете, а докторскую — в Ленинградском государственном университете. В звании профессора руководил кафедрами в Таллиннском политехническом институте и в ряде частных вузов Эстонии. С 2011 года — член-корреспондент Международной Академии наук Высшей школы. Автор 27 книг по политологии, общей теории права, уголовному праву, криминологии, конституционному праву, гражданскому праву и многих статей. Автор и исполнитель собственных песен.

Воспоминания

Из книги «Память склеротика»

Весной 1955 года я заканчивал обучение на юридическом факультете Ленинградского государственного университета и оказался распределенным в отдел по борьбе с карманными кражами Уголовного розыска города.

Восторга по поводу случившегося у меня не было. Вроде бы выиграл, получив возможность оставаться ленинградцем. Но боюсь, что такая работа меня бы быстро сделала безработным. Чтобы ловить «щипачей» (карманных воров), нужны были практические навыки «хватать и не пущать», жесткий характер, крепкие мышцы, может быть, знание, как «по фене ботать», но отнюдь не юридическая эрудиция, к обладанию которой я долго стремился. (Замечу, что в моем дипломе значилась оценка «отлично» по все предметам.) Трудно было представить себя в трамвае или автобусе хватающим за руку злоумышленника и призывающего пассажиров отреагировать на происшествие, чтобы создать доказательственную базу для судебного процесса. Но, как говорят, на безрыбье и рак рыба. Дальше будет видно.

А дальше случилось вот что.

Университет учил разным наукам, но только не милицейскому делу. Начальство решило всех новоиспеченных «оперов» направить на

кратковременные курсы, где бы они приобрели начальные знания о своей предстоящей работе. Такое обучение должна была обеспечить Школа милиции, находившаяся в столице Советской Эстонии, а точнее, в той части г. Таллинна, которая называется Нымме. В начале августа 1955 года я в числе 128 выпускников юридического факультета Ленинградского университета надел синюю форму курсанта милицейской школы.

Все, что происходило вокруг, было необычно ново. Прошло еще слишком мало времени, чтобы из Эстонии исчез тот уклад жизни, который формировался столетиями. Таллинн покорила с первого знакомства. Западный мир мне был известен по советским книгам и кино. Он представлялся тяжелым для рядового труженика и противным. Правда, такое ощущение кое в чем размывалось некоторыми впечатлениями от прочитанных книг западных авторов и просмотра трофейных фильмов, заполонивших кинотеатры Ленинграда в послевоенные годы. Но все равно победу одерживало мироощущение идейно воспитанного советского человека.

А тут в натуре узрел нечто иное.

Общество, относительно недавно избавившееся от треклятого капитализма, выглядело довольно прилично. Естественно, впечатляли памятники старины, характерные для западной средневековой цивилизации, при-

чем не музейные, а наполненные каждодневной жизнью. Но еще больше трогали чистота и порядок на улицах, вежливое обслуживание в кофиках и магазинах, какая-то непривычная тишина в автобусах и трамваях. Kohvik «Perl» на улице Пикк притягивал к себе кофейным ароматом и свежей выпечкой вкусных сдобных булочек, кренделечков, пирожных, пирожков. Вся эта кондитерская благодать находилась на столах молочного зала, и, заказав стакан молока или взбитые сливки, можно было беспрепятственно взять с блюда и положить себе на тарелочку любое из свободно красующихся на столе изделий. Такое впечатляло. Многое мне в этом городе чудилось красивым, вкусным и ароматным.

До Нымме от центра Таллинна можно было добраться на поезде или автобусе минут за 15–20.

Август в том году выдался солнечным и жарким. Курсанты несколько раз ездили купаться на пляж Пирита. Грех было в такую погоду не исходить и не облазить всю центральную часть поселка. Дивились развалинам замка von Glen, странным скульптурам Kalevipoeg, крокодила. Аккуратненькие дома, часто с большими окнами без перегородочных реек, разделяющих стекло рамы, выглядели уютно и комфортно. За выкрашенными заборами сквозь листья и хвою желтели и краснели наливающиеся соком фрукты. Заво-

раживали тщательно подстриженные на многих участках газоны сочной травы, приковывали к себе взор альпийские цветочные клумбы. Было очевидно, что здесь живут хозяйственные и заботящиеся об удобствах существования люди, которые на поколенческом опыте убедились в том, что труд есть бог.

Пусть на ныммеских улицах и базаре русская речь слышалась не очень часто, а негативная реакция на эту речь как-то мне не встречалась, но приезжим, особенно говорящим по-русски, не следовало обольщаться, что их коренные жители примут в свою среду с улыбкой и распростертыми объятиями.

Как потом стало понятно, в такой ситуации не меньшую роль, чем поведенческая культура, играл страх перед пришельцами, навеянный многими печальными для эстонцев событиями, связанными с третьим присоединением их земли к Российской империи. Отсюда и анекдоты, рожденные реальностью.

Путник спрашивает по-русски шофера-эстонца:

– Не скажешь, до Таллинна далеко?

– Близко.

– Подбросишь?

– Садись.

Едут. Русский спрашивает:

– Еще далеко?

– Нет. Близко.

Едут. Русский спрашивает:

– Еще далеко?

– Нет. Близко.

Едут. Пассажир беспокоится:

– Еще далеко?

Слышит в ответ:

– Вот теперь далеко.

Школа милиции занимала два самых высоких дома в малоэтажном Нымме, находившихся на центральной площади возле Дома культуры и базара. Говорили, что бывший собственник этих зданий время от времени появлялся поблизости и визуально проверял состояние, в котором они находятся. В одном из этих домов шел учебный процесс, а во втором, через дорогу, была общага для курсантов. В первом корпусе кроме школы были кинотеатр «Võit» и аптека.

В то время Таллиннская школа милиции (ТШМ) являлась одним из всесоюзных учебных центров по переподготовке работников милиции (в нашем случае – работников уголовного розыска), где срок обучения был установлен в полгода (позже – 10 месяцев). Поскольку в Питере одновременно пустовало более 120 милицейских рабочих мест, то наше пребывание в Таллинне было сокращено до двух месяцев.

О занятиях на курсах в ТШМ на полном серьезе говорить не приходится. Известным из широко доступной детективной литературы обстоятельствам милицейской (полицейской)

деятельности придавалась такая таинственность, а то и секретность, что создавалось впечатление об особой избранности людей, которым доверяется особая информация, запретная для простых смертных. Обучение практике раскрытия преступлений подменялось догматикой приказов и инструкций. Требуемое для оперативной работы развитие аналитических способностей замещалось привитием умения подчиняться и беспрекословно выполнять приказы начальников. Не буду уже говорить о времени, бессмысленно потраченном на изучение материалов высших партийных органов. На мой взгляд, польза была лишь от криминалистических практикумов и огневой подготовки.

Кстати, у школы имелся приличный арсенал стрелкового оружия, что, как говорили, указывало на то, зачем вообще в столице молодой советской республики, где еще недавно шли локальные бои с «лесными братьями», потребовалось создавать такое своеобразное учебное заведение с большим числом курсантов.

Реакция нашей братвы, наслушавшейся только-только лекций маститых профессоров юриспруденции, прошедшей через горнило споров на семинарах и коллоквиумах, привыкшей к вежливому и тактичному отношению со стороны обучающихся к своей персоне, на условия пребывания в ТШМ была, мягко гово-

ря, не очень приличной. Задавали каверзные вопросы, вгоняя в краску молоденькую педагогиню, делали язвительные замечания по поводу подчас бессмысленных комментариев приказов и инструкций со стороны преподавателей, по-своему реагировали на требования дисциплины и порядка.

Майор Reisa, начальник курса, выводит на площадь перед зданиями школы взвод курсантов для занятия строевой подготовкой. Сначала все маршируют, как положено. Вдруг слышится чей-то тихий шепот: «Пацаны, а слабо станцевать маленьких лебедей?» Не разжимая ртов, курсанты гнусавет знаменитый мотив из балета Чайковского. Строй вздрагивает и начинает в такт мелодии делать какие-то несогласованные па, подпрыгивает на одной ноге. Глаза майора полны ужаса. Прохожие на площади смеются, может быть, впервые в жизни видя танцующих строем милиционеров. Нас майор срочно загоняет во двор школы и устраивает разнос.

Начальник школы полковник Оскар Янович Юргенсон был человеком образованным. Окончив Институт стран Азии и Африки Московского госуниверситета, он владел даже японским языком. Как он попал на работу в милицию, не знаю. Но он выглядел в ее интерьере как-то слишком интеллигентно. Даже оплачивал работу руководителя драматического кружка, полагая, что мент должен быть

человеком культурным. Когда же мы с Азарием Гусиным затеяли создание по образцу нашего студенческого увлечения самодеятельной эстрадной труппы, то получили со стороны начальника школы всяческую поддержку.

Несколько концертов, данных в нымме-ском Доме культуры, имели большой успех. Мы вдвоем со своими миниатюрами, скетчами, куплетами, сопровождаемые талантливым аккомпанементом пианистки Хельги Йоала (мамы в будущем всесоюзной знаменитости певца Яака Йоала), пели, декламировали, шутили на многих площадках города. В школах, Таллиннском политехническом институте, Таллиннском педагогическом институте и в др.

Оказывается, в это время проходил городской конкурс творческой молодежи. И мы, к своему удивлению и радости, были признаны его победителями, за что удостоились «золотых» медалей и публичного рукопожатия, которым нас удостоил первый секретарь горкома комсомола Дмитрий Брунс, впоследствии прославившийся как архитектор и глава соответствующего городского ведомства.

Этот успех породил далеко идущие последствия. Накануне завершения срока курсов Оскар Янович пригласил нас к себе в кабинет и сделал с ног сшибающее предложение: стать преподавателями юридического цикла школы милиции.

По сравнению с той работой, которая меня ожидала в Ленинграде, новая перспектива была не просто соблазнительной, а ошеломляющей. Обучая других, обогащаться знаниями самому, уйти в науку, защитить диссертацию... Ух, ты! Хотя, с другой стороны, возникли и сомнения. Питер – родной город, там родители, многочисленные и дружные родственники, товарищи. Его менять пусть на красивый, но чужой Таллинн довольно боязно. Если же предпочесть этот вариант, то где жить? У родителей только небольшая комната в коммунальной квартире, а я уже не ребенок. К тому же собирался жениться на любимой питерской девушке (с которой недавно отметили бриллиантовую свадьбу).

Мои однокурсники, по крайней мере, не в единичном представительстве, оказавшись на курсах, веселились, как могли.

Естественно, важное место в свободном времяпрепровождении занимали женщины. Один, кстати, женатик из бывшей моей университетской группы, закрутил бурный роман с заведующей школьной столовой. Другой симпатяга, курчавый голубоглазый блондин, напевая песенки под собственное гитарное сопровождение, охмурил по очереди сразу несколько девиц. Я их лицезрел через окно вагона отъезжавшего в Ленинград поезда, когда они пришли провожать своего любимого мужчину. Год спустя одна из них показыва-

ла мне фотографию младенца, уверяя, что он – копия папы, и просила помочь найти производителя или, в крайнем случае, сообщить ему о появлении копии.

Я начал преподавать довольно взрослым людям. Их собрали с разных мест большой страны для повышения в течение полугода (а следующий набор – аж 10 месяцев) квалификации в качестве работников уголовного розыска. Мне легче было иметь дело со слушателями, которые часто бывали старше преподавателя на несколько лет, на занятиях по общей теории государства и права, а также по государственному праву, чем по такому предмету, как уголовный процесс. Все эти юридические дисциплины в их теоретическом аспекте я неплохо знал со студенческих лет, хотя, как понятно, знать и прочитать лекцию или провести семинар – это далеко не одно и то же. Поэтому приходилось тратить много сил и времени на подготовку к занятиям. Но уголовный процесс оказался еще более крепким орешком, чем два других предмета. Он требовал практических навыков расследования уголовных дел, которых у начинающего трудовой путь педагога не было (если не считать пары месяцев студенческой практики в прокуратуре).

Идет семинар по стадиям предварительного расследования. Вызванный для ответа по обсуждаемому вопросу слушатель разъяс-

няет соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса. Я готов уже подводить итог, как вдруг один из участников семинара заявляет, что он как следователь неоднократно поступал не так, как велит закон, потому что положение закона устарело и нуждается в замене.

Я растерян, но виду не подаю и моментально отфутболиваю вопрос на растерзание всей группе. Начинается острая дискуссия, чем пользуется руководитель семинара. Выделяя при подведении итогов наиболее аргументированные соображения, создаю видимость своей компетентности. После такой встречи ноги ватные и хочется скорей ползти в специальную библиотеку школы, где хранятся секретные приказы министерства, практические пособия и старые уголовные дела.

Тем не менее, должен заметить, что позже, когда сам стал здесь работать и школа превратилась в подобие классического учебного заведения с двухлетним сроком обучения, мое мнение (ранее высказанное о слабом преподавании на курсах повышения квалификации) круто изменилось на противоположное.

Люди, обучавшиеся в ТШМ, заметно были разными. Встречались энтузиасты уголовного розыска, с увлечением рассказывавшие о своей работе и выражавшие полное неприятие криминального образа жизни. Другие, если судить по их рассуждениям, были более

игроками, чем принципиальными борцами. Им нравилась власть над людьми, интеллектуальное напряжение при распутывании сложных узлов криминальных ситуаций, погони, обыски, задержания, стрельба и т.п. Немало встречалось трудяг за зарплату. Их помыслы были сосредоточены главным образом на карьере, чинах, окладах. У меня уже тогда возникали подозрения, что такого опера какой-то криминальный авторитет может перекупить, сделав своим платным агентом.

Но попадались люди и с другой судьбой. Бывшие уголовники, завербованные милицией, помогавшие раскрывать тяжкие преступления. Их перебрасывали с места их прежней деятельности в другие районы страны, легализовали и присваивали милицейские звания. Мне таких встретилось несколько человек в чине младших лейтенантов. Обнаружились они случайно. На одном из занятий мне пришла идея создать словарь блатного жаргона («блатная музыка», «феня»). Это сейчас имеется несколько изданий по данной тематике, а в то время о подобных пособиях для оперативной работы я ничего не знал. Отдал учебным группам чистые тетрадки и попросил заполнить их соответствующими терминами с пояснениями. Выявилось несколько эрудитов. С каждым из них у меня состоялась индивидуальная встреча. Там и выяснилось, кто кем был и кем стал.

В моей душе все-таки таилась тревога, что перековка человеческого материала могла оказаться незавершенной. Кто его знает, что у этих людей на уме?

Проходя положенную преподавателю стажировку в таллиннской милиции, я допрашивал вора в связи с предъявлением ему обвинения в крупной краже. В университете учили, что в преступнике надо видеть человека и относиться к нему подобающим образом. Обращаясь на «вы» к допрашиваемому, спрашиваю, признает ли он себя виновным. В ответ получаю презрительный взгляд и гробовое молчание. Разъясняю ему собранные на момент предъявления обвинения доказательства и вежливо предупреждаю, что его молчание может дорого обойтись при вынесении судом приговора. Никакой реакции. Бился я с ним около часу, и все безрезультатно.

Тут в кабинет заходит начальник следственного отдела. Сразу раскусив ситуацию, он обкладывает моего дяденьку трехэтажным матом, переходит на блатной жаргон, грубо загибает вверх подол рубашки, обнажая шрамы на животе в виде креста, бьет кулаком в ухо. Ответная реакция меня потрясает. Подследственный расплывается в улыбке, говорит, что наконец-то имеет дело не с пионером, а с настоящим ментом, и начинает давать показания.

Любой оперативный сотрудник уголовного розыска родом своих занятий поставлен в

такие условия, что ему не до аристократических изысков. Тут нередко требуется не вежливое и уважительное отношение к другому, а грубая сила, напористость и даже хамство, т.е. то, чем отличается большинство «клиентов» милиции. Иначе может возникнуть полное непонимание друг друга, что сводит на нет усилия по раскрытию преступления.

Моя работа в ТШМ подходила к концу. Став когда-то преподавателем милицейской школы, я долгое время пытался повысить уровень профессиональной подготовки путем сдачи экзаменов и защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. На этом пути пришлось преодолеть много трудностей. В конечном итоге к началу нового десятилетия открылась возможность из заочной аспирантуры юрфака ЛГУ перейти в сектор права Института экономики АН ЭССР, как бы в очную аспирантуру. В Тартуском университете уже осенью 1964 года я защитил диссертацию и стал работать преподавателем в Таллиннском политехническом институте.

Авторские песни

Старый Таллинн

Шел человек по Таллинну и любовался
городом.
Тем, что потомкам оставили древние
мастера.
Крыши домов островерхие, башенки –
каждая с норовом.
Сирые узкие улочки, где тебя ждет тишина.

Припев:

Знал он радость, видел горе.
Долгий путь в веках.
Он стоит, овеян морем,
На семи ветрах.
Величавый и спокойный,
Сам себе кумир.
Он влечет игрой невольной
В свой волшебный мир.

Именем длинного Германа башня зовется
высокая,
Тоомпеа, крепость рыцарей, смотрит,
суровая, вдаль.
А Маргарита толстая грустно молчит,
одинокая.
Море на плечи ей бросило серо-туманную
шаль.

Припев

Взмахи крыла фантазии вид создают
запрошенный.
Латы и пики острые стражников у ворот.
Или приход с оказией старца в одежде
изношенной,
Что вдруг предскажет городу новой
судьбы поворот.

Припев

Таллинн растет и строится. Сити, стеклянные
коробы.
Много чего придумано, чтоб современнее
быть.
А для людей мечтательных было бы просто
здорово
Символы Старого города парам влюбленных
дарить.

Припев

Глен! Глен! Глен!

Когда-то жил в Эстляндии,
А может быть, в Ливонии,
А проще – жил в Эстонии
Загадочный барон.
Имел образование
И к творчеству призвание,
Ходил он на свидания,
Умел держать фасон.

Общение сословное –
Занятие условное.
Балы, салоны, сплетенки
Не вынесла душа.
Сбежал он на окраину,
Что относилась к Таллинну,
Купил лопаты, лесенки.
И тут пошли дела.

Припев:

Глен! Глен! Глен!
Дома и переулки.
Глен! Глен! Глен!
Цветущие сады.
Глен! Глен! Глен!
Звонящие сосульки,
Белые поляны,
Зеленые холмы.

Железная дорога
Леса пронзила строго,
Игривые лужайки
С душистою травой.
Барон воскликнул «Боже!
Как здесь земля пригожа!
Она на рай похожа»!
И потерял покой.
Он план работ составил
С учетом разных правил.
Удачно делом правил
И бизнесменом стал.

Купил участки дачные
Уютные, удачные.
Рекламы сделал смачные
И Нымме основал.

Привет

Воздвиг покои личные,
Где башенки готичные.
Для замка все типичное,
Хоть замок небольшой.
Меж сосенок аллею,
Для пальм оранжерею.
На все это глаза,
Народ пошел толпой.
Еще имел стремление
Создать произведение,
Скульптурное творение
На сказочный манер:
Сын Калева внушительный
С драконом отвратительным
Готов вести сражение,
Чтоб эстам дать пример.

Привет

Желтеет мост помпезный
Над крутизной проездной.
Проносятся машины
Сквозь ныммеский карниз.

Забронзовев картинно,
Застыв, стоит мужчина,
Не пропуская мимо,
Кто едет вверх и вниз.
Понятно тем, кто знает,
Кого здесь почитают,
Зачем так украшают
Пейзаж базарных стен.
Скульптура основателя,
Фантаста и мечтателя
Понять нам позволяет,
Кем был барон фон Глен.

Припев

Сновидения

Улечу в Заполярье – вместилище света.
Не зимою, конечно, а когда будет лето.
Наших белых ночей мне теперь уже мало.
Видно, что-то со мной очень странное стало.

Невзлюбил я у нас темной осени ночи.
Ну, хотя бы чуть-чуть они стали короче!
В снах ночных погружаюсь в липучую тину,
Цепенею, узнав расставанья причину.

Мне бы сны обмануть и сбежать из их плена.
Но куда в темноте весь кошмар этот дену?
Сны посменно идут, черной ночью прикрыты.
Лишь потоком зари они будут размыты.

Заполярная тьма где-то ждет под откосом.
Я ж лечу на луче и люблюсь торосом.
Ночью день спать влечет. Так решает Природа.
Черный сон не придет. Свет не даст ему хода.

Воспоминания экс-курсанта

Разве забыть нам возможно
Время начала пути?
Звучало оно тревожно,
Но были молоды мы.
По Мустамяйской вершине
Наша тропа пролегла.
В центре зеленого Нымме
Жизнь курсантская шла.

Привет:

Таллиннской школы милиции
В Нымме давно уже нет следов.
Но без ненужной амбиции
Скажем о ней пару теплых слов.
Те, кто школу окончили,
Те, кто знал, как их учить,
Долгом уполномочены
Добрую память о школе хранить.

Здания школы стояли,
Гордо держа высоту.
В них нас тогда обучали
Будущему мастерству.

Как раскрыть преступление,
Улики его добыть
И обрести умение
Вора в тюрьму посадить

Припев

Выпала доля нелегкая.
Вспомни, приятель седой,
Учение ментовское –
Не сахар, само собой.
Сейчас временами снится,
Как трудно экзамен сдать,
Чтобы с законом сдружиться
И смысл его понять.

Припев

Впрочем, и наши забавы
Вспомнить сейчас не грешно.
Царили скромные нравы,
Но годы брали свое.
С девчонками танцевали,
Смелость вселяло вино,
В картишки тайком играли,
А в доме было кино.

Припев

Выложим старые фото,
Приложим к ним дневники.
Вспомним подробней хоть что-то,
Чем заполнялись те дни.
Коль тебе врач разрешает,
Выпьем за нашу судьбу.
Память, трудясь, воскрешает
Школу твою и мою.

Припев

Послушай опера, пацан

Я – старый опер. Ты ведь понимаешь,
Бывало все на жизненной стезе.
Ты, вижу, о полиции мечтаешь.
Хотел бы кое-что сказать тебе.
Пацан, ты молод. Впереди дорога.
Она опасной будет и крутой.
Не стоит впредь надеяться на бога.
Ты сам все должен делать с головой.

Ты будь готовым спереди и сзади
(Таков уже профессии удел)
Невольно ощутить дыханье мрази,
С которой будет много всяких дел.
Она вокруг тебя начнет крутиться,
Манить тебя к себе и искушать.
От этой дряни можешь заразиться
И на нее душой похожим стать.

Бывало так, что в дело окунулся
И доказательств закрутил спираль.
Но видишь, что парнишка поскользнулся,
И посадить его вдруг станет жаль.
Все надо как-то делать справедливо,
Понять, что будет «против», а что «за».
Со следаком присесть и выпить пиво,
Чтоб понял все в глаза и за глаза.

Возможно, что в семье возникнут ссоры.
Ты не придешь, жена начнет ворчать.
Ей невдомек: твоя забота – вору,
А ей сдается чья-то там кровать.
Коли начальник, лишь бумаг владыка,
Топить тебя начнет в своей игре,
А ты, поддав так, что не свяжешь лыка,
Пошлешь его, бед натворив себе.

Перед тобой душой кривить не стану:
Не сожалею о минувших днях.
Мне критиков слова по барабану.
Люблю работы бешеный размах.
Она несет сама в себе загадку,
Которую непросто разгадать,
И обещает с гнусной грязью схватку.
А эту грязь так хочется убрать.

Группа слушателей Всесоюзных курсов переподготовки работников уголовного розыска. 1956 год.

Веселая компания во дворе Таллиннской школы милиции. 1958 год.

Экзамен по уголовному праву принимают преподаватели Таллиннской школы милиции Витюшова и Лившиц. 1960 год.

**Старший
лейтенант
Юзеф Лившиц.
1957 год.**

АЛЕКСАНДР МАЖАЕВ

Полковник милиции

Александр Павлович Мажаев родился в 1949 году в Оренбургской области. После школы работал пожарным, служил в армии. В 1972 году окончил Таллиннскую специальную среднюю школу милиции и работал на разных должностях в органах МВД Эстонии. В 1981 году окончил Академию МВД СССР. С 1989 по 1991 год работал заместителем начальника отдела по борьбе с организованной преступностью. В 1991 году вышел на пенсию в звании полковника.

За все простите, не держите зла.
Жизнь до конца не прожита,
И сделано немало в ней добра.

Не вспоминайте близких в суете,
Они поддержат в горе и беде
И вспомнят добрым словом при еде.

Луна. Дорога. Путник одинокий.
Лампада Божья освещает путь.
Я снова слышу голос твой далекий,
Он не дает забыться и уснуть.

Путь до конца не пройден, дел еще немало.
И главное, быть может, впереди.
Да только вот беда: немножечко устал я
От пройденных дорог, что позади.

И снова ночь. Не спится мне. Тревожно.
Душа моя все мается сильнее.
Рой мыслей в голове. В них роюсь осторожно.
От воспоминаний мне становится больней.

Лишь ты, Луна, мой друг в ночи небесной,
Поймешь меня и скажешь жизни суть,
О чем не знаю я и что мне неизвестно,
И как пройти оставшийся мне путь.

Прекрасен зимний лес, искрится снег на ветвях.
Деревья вышивают узоры на снегу.
Почувствовав себя мальчишкой,
Я с легким сердцем вдаль бегу.

Прекрасен зимний лес, когда закат над полем.
Стоит изба, идет дымок с трубы.
Нет, не хочу иной я доли,
Не требую другой судьбы!

Прекрасен зимний лес, когда трещат морозы.
Густой туман укутывает даль.
Я вспоминаю детство, мать, березы...
Нет, все равно мне прошлого не жаль.

Все кругом зазеленело –
Лес, трава на поле.
Птицы звонче зазвенели
От тепла и воли.

Краше нет родного края
И родных полей.
Места нет милей Шамаля
На земле моей,

Где цветет, благоухает
Сердцу милый край,
Где попробовал я в детстве
Мамин каравай.

Друзья мои, ужель так краток путь?
Осенних дней осталось мало.
Былое хочется вернуть,
Друзей всех рюмкой помянуть,
Которых рано так не стало.

Сказать мне хочется слова
Для сердца каждому из вас
И вспомнить славные дела,
Которые роднили нас.

И грусть от сердца отойдет,
Милее станут ваши лица.
Еще весенний день взойдет,
И юность наша повторится.

Мои друзья давно лежат в могиле,
А я хожу все по сырой земле.
Они при жизни не святыми были,
Им не вручали ордена в Кремле.

Они ни мной, ни Богом не забыты,
О них я вспоминаю каждый день.
В сырую землю их тела зарыты,
А души превратились в сирень.

Сизый дым стоит над лесом,
Поволока на глазах.
Я давно уж не повеса,
Не летаю в облаках.

Часто думаю о доме,
Вспоминаю отчий край.
Шлю приветы Сашке, Томе
И молюсь за Крым-Сарай.

Скоро дом увижу снова
И родимые глаза.
Будет, брат, тебе обнова,
Будет встреча и слеза.

Будет стол накрыт для гостя,
Самогону через край.
Мужики, курить-то бросьте!
Эй, хозяин! Наливай!

Наливай полней, братишка,
Не жалея для земляков.
Вот во двор заходит Тишка –
Ему тоже до краев.

Не желей-ка самогона,
Не желей закуски, брат!
Едет Шура из района
Наш по выпивке собрат.

Загуляем мы сегодня
До утра, до петухов.
Не жалея, брат, самогона,
Не жалея для земляков!

Сыскарям посвящается

Мы клятву не давали на крови,
От неудач не горбились понуро,
По жизни очень многим помогли.
Недаром все мы родом из ОУРа.

Прошедших дней не забываем мы,
Засады и погони не без риска.
На свете много мрази и шпаны,
Не меньше и романтиков из сыска.

Куда несется ветер-странник?
Кому приветы шлет от нас?
Я рад улыбке утром ранним
Божественной в твоих устах.

Я рад тому, что день настал,
Что розы тянутся к теплу.
Нет, я от жизни не устал
И не хочу уйти во тьму.

Природа плачет и рыдает,
Природа пляшет и поет.
Тебя мне снова не хватает.
А может быть, наоборот?

Отчего так грустно мне?
Отчего тоскливо?
Весна гуляет на дворе,
А мне ничто не мило.

Грачи не радуют уж глаз
И жаворонки тоже.
Стареешь, видно, ловелас,
Коль стих сложить не можешь!

Устал от суеты мирской,
Живу в воспоминаньях,
Гляжу на прошлое с тоской,
А в мыслях – лишь преданья.

Мой стих печален нынче стал.
Сам чем-то недоволен.
Нет. Я от жизни не устал.
Я просто нынче болен!

Исповедь завязавшего алкоголика

Не дышите винным перегаром,
Не томите душу алкаша.
Им я надышался сам немало,
Оттого в кармане ни гроша.

Ветер ласкает девичьи груди,
Солнце целует нежно уста.
Шелест березы тебя не разбудит,
Спи, дорогая, в кустах!

Вечер настанет, повеет прохладой,
Я нежно тебя обниму.
Кто-то вздыхает за нашей оградой,
Боясь разбудить тишину.

Солнце украдкой слезу утирает,
Ветер уносит печаль.
Кто-то калитку свою запирает,
Кутаясь в теплую шаль.

Спи, дорогая, никто не разбудит.
Я охраняю твой сон.
Спи, дорогая, я знаю, что будет
Лаской твой сон озарен.

В окно стучится странник-ветер,
Льет дождь, хладеет день.
Я всеми позабыт на свете.
А мне... Мне просто лень.

Мне лень звонить тебе, мой друг,
Ты вечно занят, весь в работе.
Ты сузил дружеский наш круг.
Короче, я живу в «болоте».

Кругом тоска, лишь ветер-вор
Нашептывает: «Парень, парень!
Остановись! Какой позор!
Уймись и оглянись вокруг.

Зачем себя изводишь снова?
Тебе жена – твой лучший друг.
Она и защитить готова,
Помочь советом, добрым словом.

Ты верь в нее и верь в себя.
Не верь друзьям лишь пустословам!»

Друзьям

Видит Бог, я дорожу друзьями,
Вспоминаю их я каждый день.
Я душой и сердцем вместе с вами.
Остальное – чушь и дребедень!

В этой жизни кто как может бьется.
Жизнь такая нынче, мужики!
Иногда за чаркой песня льется,
Когда мы посещаем кабаки.

Друзья мои, я Бога не виню
И винить не буду – это знаю.
Я друзей по-своему люблю,
С полуслова их я понимаю.

Не всегда встречали нас цветами,
Но немало было и побед.
Неплохими были мы ментами,
Если люди не плюют нам вслед.

И пусть родные нас простят за то,
Что иногда шалим и пьем излишне.
Да только не исправить нас, ментов.
Об этом знает даже сам Всевышний!

Ни о чем, прошу вас, не жалейте,
День сегодня наш, напьемся вдрызг.
Каждый сам себе в бокал налейте,
Выпьем стоя за любимый сыск!

Не проси прощенья у друзей
И не падай под ноги им сукой.
Лучше завтра ты сходи в музей
И развейся от тоски и скуки.

Разве мало сделано в том веке?
Боль судьбы сидит в твоей душе.
Разделилось сердце на сусеки,
Муки не страшны тебе уже.

Не серчай, друг, на свою судьбину
И не горбись от молвы слепой.
Разогнись и выпрями ты спину.
Ждут тебя, иди к себе домой.

Там нальют, чтоб душу разогрел ты,
Заодно и помянул друзей.
Ну, а завтра от тоски и скуки
Снова сходишь в этот же музей.

Утром рано на рассвете
Зорька ясная встает.
Больше всех на этом свете
Я люблю тех, кто поет.

Кто поет и веселится
И душой кто молодой.
Тех люблю, кто не боится
Быть всегда самим собой.

Кто всем сердцем презирует
Падших слабостью своей,
Божью волю понимает
И страдает вместе с ней.

Кто не плачет от невзгоды,
Ежедневной суеты,
Радость видит в непогоде,
А со смертью – на «ты»!

Не проходят сутки, не проходит дня,
По ночам мне снится горная Чечня.
Вижу там безумие, вижу сущий ад,
Слышу я проклятья матерей солдат.

Пути начало есть всегда.
Дорогу Бог дает талантам.
Я вспоминаю иногда,
Как юным был я лейтенантом.

Был дерзок, но правдив всегда
И верил в собственные силы.
Я ошибался иногда,
За что порою в морду били.

Спасала воля, доброта
Друзей моих, что рядом были.
За правду-матку иногда
Меня не очень-то любили.

Но тщетно все. Я верил в путь,
Который выбран был мне Богом.
Я находил лишь в сыске суть.
За это не судите строго.

Стремление ближнего любить
Дано мне было изначально.
Что сделал я – не мне судить...
Быть может, хватит о печальном?

Судить не надо и смотреть
На прошлое печально, хмуро.
А может, лучше вместе спеть
За 90 лет ОУРа?

Брату

Ты прости меня, Брат, что так долго молчали,
Не писали мы письма друг другу порой.
Ты прости меня, Брат, что обид не прощали,
А теперь ты навек возвратился домой.

Было время, когда ты был весел и прост.
Жил, смеялся, любил, и любили тебя.
На прощанье с тобой мне пришлось сказать тост
От родных, от друзей, от себя...

Ты ушел навсегда очень рано,
Не успел, Брат, построить свой дом.
И вернулся домой, где отец наш и мама
На погосте лежат под зеленым «окном».

Под красивой березой спокойно все спите,
Шелест листьев зеленых вам песни поет.
Иногда лишь в «окно» дождь и ветер стучится,
Словно в вечность кого-то зовет.

Ни зла, ни радости уже
Нет уж, братишка, на душе,
Одна тоска, одни страдания,
Ушедших дней воспоминанья.

К чему стремиться мне теперь?
Ушли в небытие мечтанья,
Порой тоскую, словно зверь,
Иль тихо вою утром ранним.

На погосте крест гнилой,
Ржавый гвоздь.
Я унылый и больной.
Осень, дождь.

Белый свет не мил тебе?
Очень жаль!
Грустно вздыхает
Мать-печаль.

Полыхают зарницы вдали,
Не летают над крышами птицы,
За окошком лампада горит,
Озоруя на ели синицы.

День усталый отходит ко сну.
На покой всем пора, только шмели
Провожают с тоскою весну,
Залетев на огромные ели.

Ночь. Прохладой укутан весь двор.
Догорают последние звезды.
Только совы летят на дозор,
Покидая любимые гнезда.

Утро снова с рассветом настало,
Гомон птиц слышу я на заре.
Чье-то сердце любить перестало,
Вой собачий стоит во дворе.

Небо окрашено в ласковый цвет,
Небо какое-то детское стало.
И я уж седой, и я уже – дед,
И жить мне осталось, наверное, мало...

Детство прошло незаметно и просто,
Юность прошла второпях.
Помню печальную мать у погоста,
Дедушку в драных лаптях.

Годы мои пролетели стрелою,
Вешние воды ушли в забытье.
Часто мне снится Сурмет под горою,
Радость и счастье мое.

Где эти нежные песни девичьи,
Детства малиновый звон?
Школьный наш сад, позабытые вишни,
Во что я был с детства влюблен.

Куда ведет меня дорога?
Мне неизвестно. И тебе.
Когда уходим от порога,
Мы поклоняемся судьбе.

О доме

Мне часто снится дом родной.
Мне часто снится моя мама.
Туда мне хочется порой
Сбежать однажды спозаранок.

Сбежать туда, где вырос я,
Увидеть там родные дали,
Где, может быть, судьба моя
Ждет не дождется вся в печали.

Увидеть там зеленый лес,
Березы белые – невесты,
Поцеловать отцовский крест,
Найти упокою место.

Мне часто снится дом родной,
Крыльцо родимого очага.
Пора на Троицу домой,
Откуда начал путь бродяга.

Я вижу сон, как будто снова дома
Хожу вокруг двора, беседа с отцом.
Мать смотрит на меня с укором у забора,
Прижав к груди пасхальное яйцо.

Двор пуст, нет суеты уж прежней.
Кругом тоска, не слышно пенья птиц.
Я обнимаю маму бережно и нежно.
И вижу слезы радости у ее ресниц.

Родная, ты не плачь, прошу тебя как друга.
Любил я вас и в зной, и в снегопад.
Ужель весны черемушная вьюга
Нас разлучит, как много лет назад?

Не дыши в затылок мне,
Стерва стоеросова!
Я люблю не меньше жизнь!
Не маши мне косою.

Не ходи вокруг двора,
Не пугай, костлявая!
Я сам скажу, когда пора,
А пока – отваливай!

Отвали ты от меня
И отстань навеки.
Не успел сходить еще я
Из варягов в греки.

Зима. Уж не трещат морозы.
Ложится легкий и пушистый снег,
Рисуя в воздухе узоры,
Чуть замедляя время бег.

Краса кругом. Полотна снега
Накрыли землю одеялом.
Из-за пурги не видно неба,
А снег валит. Зиме все мало...

Заснежен лес, дорог не видно.
Лишь вдалеке чернеет воз.
За прошлое мне не обидно,
За настоящее – до слез.

Проходит все – и дни, и годы...
Все остается позади.
И детство наше, и невзгоды...
Лишь неизвестность впереди.

Что за день сегодня? Пасха!
На деревьях – «ватный» дождь.
Голова болит ужасно,
И обидно мне до слез.

Оттого, что снег на ветвях,
Вся земля белым-бела,
Дуют северные ветры.
Вот такие, брат, дела.

Мне же хочется покоя,
Дом, уют, тишины,
Сад зеленого покрова,
Детства розовые сны.

Что за день сегодня? Пасха!
Божий праздник и людской.
Я устал, мне надоело
В этой жизни городской!

**Выпускники Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР.
1968 год.**

**Сотрудники милиции дружно лося тянули из болота. Наверное, понять
это просто: помимо работы нужна и охота. 1972 год.**

*Часть коллектива Калининского РОВД на экскурсии в Беловежской пуще
Белоруссии. 1979 год.*

Собрание сотрудников Калининского РОВД. 1985 год.

ВЛАДИМИР ПРОКОФЬЕВ

Майор милиции

Владимир Андреевич Прокофьев родился в 1946 году в поселке Костерёво Владимирской области. В 1969 году окончил Днепропетровский химико-технологический институт им. Ф. Э. Дзержинского. В 1969–1971 годах проходил воинскую службу в Прибалтийском военном округе. После демобилизации работал инженером на Маардуском химкомбинате, начальником отдела в УПТК треста Таллиннстрой, инструктором Морского РК КП Эстонии. С 1984 по 1991 год был заместителем начальника отдела Морского РОВД. После увольнения из органов внутренних дел работал на хозяйственных должностях в организациях Таллинна.

Как прежде, снова я пою,
Моя душа навеки с Вами.
Вы вновь наполнили мечтами
И осветили жизнь мою.

От Вас я нынче далеко,
Но буду помнить Ваши руки,
Ваш нежный голос, и в разлуке
Мне будет, право, нелегко.

И все ж судьбу благодарю!
Она послала краткий миг
Блаженства тайного, Ваш лик.
О встрече с Вами вновь молю.

Я с тобой рассветы не встречал,
Волосы твои рукой не гладил,
Мягких губ твоих не целовал
И безумств не делал тебя ради.

Я не ждал часами под дождем,
Не молил тебя: «Приди скорее!»
И от сладкой близости вдвоем
Не глядел в глаза твои пьянея.

Не бродил с тобой я у реки
И не плавал я с тобой в затоне.
Тонкой не касался я руки
И не целовал твои ладони.

И в луга тебя я не манил.
И не пели травы нам и птицы.
На руках тебя я не носил
И не целовал твои ресницы.

Ты пришла ко мне из сладких снов,
Ни о чем не ведая, не зная,
Вся из солнца, песен и стихов,
Нежная, красивая такая.

Нечаянная радость

Ты – моя нечаянная радость.
Сердце ни понять, ни обмануть.
Дай испить мне губ горячих сладость
И в твоих объятьях утонуть.

Дай рукой волос твоих коснуться
И вдохнуть пьянящий аромат.
Локоны твои, как змеи, выются
И меня опутать норовят.

Мы одни, и словно все в тумане,
Кружит голову хмельная страсть.
Что-то есть в закате этом раннем,
И над нами он имеет власть.

Из ладоней дай воды напиться.
А потом в полночной полумгле
На коленях будем мы молиться
О таких же грешных на земле.

Романс

Были чудесные лунные ночи,
Ясные, тихие дни.
Сердце пленяли прекрасные очи,
Счастьем светились они.

Были желанья и были признанья,
Были волненья души.
Нежные, робкие были лобзанья
В летней вечерней тиши.

Время безжалостно нас разлучило,
Ты уж давно не моя.
И называет другой тебя милой,
Так же, как звал тебя я.

И вспоминая тебя с безнадежностью,
В полночь окно растворяю
И о тебе с печалью и нежностью
Звездам стихи подарю.

Перебираю твои волосы,
Вожу губами по плечу
И нежно на ухо вполголоса
Слова любви тебе шепчу.

Уходит время безвозвратное,
Дорога жизни недолга.
Когда-то мной трава примятая
Давно уж скошена в стога.

Последний лист еще желтеется,
Качаясь зябко на ветру.
А сердцу глупому не верится,
Что я когда-нибудь умру.

Что отойдет, пылая зорями,
Любовь земная навсегда
И светлой радостью и болями
Уж не вернется никогда.

Знать, оттого еще желаннее
Шепчу я жаркие слова.
Знать, оттого еще обманнее
Раскрасит небо синева.

Ни о чем не говорили,
Стоя у окна,
Лишь немного пригубили
Терпкого вина.

Мне от глаз твоих зеленых
Было так тепло,
А от песен листьев клена
На душе светло.

И пройдешь ты мимо тайной
На моем пути,
Легким облаком хрустальным
Скроешься вдали.

Нашей встречи нет возврата,
Покорюсь судьбе.
Может, я умру когда-то
От тоски к тебе.

Чужая жена

Словно отравы
В чаше вина,
А в сердце – растрыва
Чужая жена.

Она, словно кубок,
Испита до дна.
Но мутит рассудок
Чужая жена.

И часто бывает:
В объятиях сна
Мечтою всплывает
Чужая жена.

Уходит, растаяв,
Как моря волна,
Надежду оставив,
Чужая жена.

Тобой одною

Тобой одною полон я,
Я от любви сгораю.
Ты – песня, музыка моя,
Тебе одной внимаю.

Ну, что мне прошлое? Оно
Все меркнет пред тобою.
Ужель мне счастье суждено
Увлечь тебя с собою?

Любви моей нет ни границ,
Нет ни конца ни края.
Я перед ней склоняюсь ниц,
В восторге замирая.

Красивые зеленые
У тебя глаза.
А чувства обнаженные,
Как летняя гроза.

Ты вся – одно стремление,
Ты вся – один полет.
Любовь твоя – мгновение,
Оков не признает.

Ты вся – одно дыхание,
Ты – быстрая струя.
Полна очарования
Душа твоя.

Я тебя унесу на руках
В разнотравье цветущих лугов.
И услышим мы там в облаках
Звон бокалов и песни богов.

Утону я в зеленых глазах,
Нет ни берега в них и ни дна.
И на мягких душистых коврах
Захмелею от ласк до пьяна.

Утону я в объятьях твоих,
Растворюсь где-то там в синеве.
Только ты не целуй здесь других,
На примятой же нами траве.

Твое имя

Твое имя слух ласкает
И волнует в сердце кровь.
Видно, так и отравляет
В жизни первая любовь.

В нем – чарующие звуки
И надежды яркий свет.
Как прекрасны эти руки!
Только губы шепчут: «Нет».

В нем – и радости, и слезы,
И букет, как в том вине.
В нем – божественные грезы,
Что приходят к нам во сне.

К Оле

Я бы съел легко пуд соли
И не стал бы запивать,
Если б руки милой Оли
Можно было целовать.

Я б навек лишился воли
И не стал бы горевать,
Если б стан прекрасной Оли
Можно было обнимать.

Мне не надо иной доли,
В ней и смысл, и бытие.
Руки сами поневоле
Гладят волосы ее.

Что мне горечи и боли
Возле сердца моего,
Если ласки этой Оли
Слаще меда самого.

В саду

И снова скоро лето,
В саду зацвел бурьян.
И ты уже одета
В легкий сарафан.

Земные тают звуки
В небесной вышине.
Ты тянешь свои руки
И бежишь ко мне.

Мы кружимся беспечно,
Целуемся с тобой
И знаем, что навечно
Связаны судьбой.

За садом плачет скрипка,
Шумит лесной прибой,
И воздух странно зыбкий,
Как будто голубой.

А травы так пахучи,
Кружится голова.
Девчонке самой лучшей
Шепчу любви слова.

Ты голову склонила
На мое плечо.
Душе отрадно, мило
И сердцу горячо.

А звуки скрипки стонут,
Венчая словно нас.
Я погружаюсь в омут
Твоих бездонных глаз.

Идем, обнявшись, садом.
Распелись соловьи.
И скрипка где-то рядом
Поет нам о любви.

О, ноги женские! Вот мира колдовство!
Омытые страстями и слезами.
Вы – чудо, вы – земное божество.
Мужчин навеки сделали рабами.

Их стройность линий, нежный силуэт
Пленяют и волнуют красотой.
И слезы проливал не раз поэт,
На них склонившись гордой головою.

О, ноги женские! Сводили вы с ума
И королей, и нищих на дороге.
И лишь одна лежит на вас вина –
Что красотой своей сгубили многих.

Когда минует этой жизни срок,
Тень вечности раскинется над нами,
Я умереть хочу у Ваших ног,
Последний раз коснувшись их губами.

Вспоминается снова бывшее.
Мы с тобой за рекою, в лугах.
Тело гибкое и молодое
Бьется птицей в моих руках.

Ты не ведаешь страха и боли,
Ты все время одно твердишь,
Чтоб тебя отпустил я на волю
Или ты все равно улетишь.

И опять по зеленому лугу
Ты бежишь, приминая траву.
Ну, а стебли, качаясь упруго,
Вновь глядят высоко в синеву.

Вижу женщину я в окне.
На губах улыбка играет,
Головой чуть кивает мне,
Словно в гости к себе приглашает.

Вижу глаз ее огоньки,
Свет их влечет, интригует.
А палец изящной руки
В воздухе сердце рисует.

Летний полдень. Она одна.
Все колыхается в мареве зыбком.
Смотрит женщина из окна,
Опьяняя своей улыбкой.

С этой женщиной – хоть куда.
Позабудешь про все на свете.
На земле нет ее... Навсегда
Растворилась она в жарком лете.

Я от жизни не жду перемен,
Луч надежды давно уж угас.
Я хочу только Ваших колен
Головою коснуться хоть раз.

Отойду я куда-нибудь в тень,
Унесу я с собой Вашу грусть.
Может быть, уже завтрашний день
Не придет для меня. Ну и пусть.

Заберу я с собой Вашу боль.
И не страшен мне вечности плен.
Только все ж на прощанье позволь
Головою коснуться колен.

Та, кто не моя

Грустью и стихами
Переполнен я.
Снится мне ночами
Та, кто не моя.

В летний теплый вечер
На исходе дня
Не придет на встречу
Та, кто не моя.

Если вдруг увижу,
Счастлив уже я.
Но не станет ближе
Та, кто не моя.

И проходит мимо,
Голову склоня,
Та, кто мной любима,
Та, кто не моя.

И понял я ненужность встречи,
Хоть сердцу ты была мила.
Ответь: зачем в тот зимний вечер
В мою обитель ты вошла?

Душа изранена любовью,
Дай от нее мне отдохнуть.
Иль ты не видишь, алой кровью
Судьба мой устилает путь.

А в Костерёво дожди

А в Костерёво дожди,
А в Костерёво туман.
Ты меня больше не жди,
Наша любовь – обман.

Я уплыву по реке,
Я уплыву в рассвет
Один и совсем налегке
На много, на много лет.

А мне ничего не жаль,
Люби, если хочешь, других.
Останется лишь печаль
В твоих глазах и моих.

Не буду я вспоминать
Наши ночи и дни.
Будет другой целовать
Горячие губы твои.

Меня ты больше не жди,
Другая уймет сердца дрожь.
А в Костерёво дожди
Да ветер волнует рожь.

А ведь все уже прошло
И куда-то делось,
Хоть не так еще давно
От желаний пелось.

И меня не так давно
Уносили кони,
И прозрачное вино
Пил я из ладони.

И меня не так давно
Ждали у порога,
Но любви отведено
Было мне немного.

И меня не так давно
Навещали грезы.
А теперь мне все равно –
Радость или слезы.

Осенняя грусть

Я бреду аллеей
Пожелтевших листьев,
В небе пролетают
Клином журавли.

Что-то грустно стало
От пришедших мыслей,
Все мои желания
В прошлое ушли.

Тихий шепот ветра
Грезы навевает,
И приходит память
Тех далеких дней.
И меня, как в юности,
Кружит и ласкает
Вальс опавших листьев
С желтых тополей.

Нежный запах осени
Красоту венчает.
И уносит ветер
Мои мысли вдаль.
И печаль минутная,
Как снежинка, тает,
И утрат ушедших
Мне уже не жаль.

Выхожу я в поле. Ветер свеж и чист.
Где-то там за лесом притаилась осень.
Скоро закружится первый желтый лист,
Облака зацепятся за макушки сосен.
И погонит ветер палую листву,
Пробежится с нею по лесным дорогам.
Я с рябины красной ягоду сорву
И во рту я горькую поддержку немного.

На поля опустятся и туман, и грусть,
И зарядит дождик серый, морозящий.
Я к земле холодной низко наклонюсь
И в руках согрею я цветок дрожащий.

Еще объаты сном озера,
Еще блестит в траве роса,
Но что-то властно манит в горы
Рукой потрогать небеса.

Туда, туда, где эдельвейсы
Зари приветствуют восход.
В горах тропинки, словно рельсы,
Зовут заманчиво вперед.

Туда, туда, где дух мятежный
Парит над грешною землей.
Где снег вершин пушисто-нежный
Сверкает ярко белизной.

Речка детства

Речка детства совсем обмелела.
В ней ловили мы пескарей.
И где в воду прыгали смело,
Там теперь протекает ручей.

И качались на гибких лавах,
С них летели в крапиву не раз.
И с веснушками девочка Клава
Заводилой была у нас.

И боялись мы темного омута,
Обходили его стороной.
Здесь ветла так капризно изогнута,
Видно, тешился сам водяной.

Ну а там, за мостом, у овина,
Начинался березовый лес.
Собирали грибы в нем, малину
И палили костры до небес.

Снова тянет меня в Господиново,
Где в кустах соловьиная трель,
Где ольшаник, заросший крапивою,
И где речка с названием Нерль.

Тропинкой детства

Иду я вдоль берега речки,
Слушая птиц перезвон.
Сосны прямые, как свечи,
Со всех окружают сторон.

Воздух пропитан настоем
Трав и неярких цветов.
Пить его лежа и стоя
Я, как и в детстве, готов.

Ласточки здесь, у обрыва,
Носятся взад и вперед.
А вдоль тропинки крапива
Того и гляди обожжет.

Знакомая взгляду картина,
Знаю я все наперед:
Вон в том лесочке малина
Ждет, кто ее соберет.

Вот у озерной я глади.
Камыш здесь когда-то рос,
И солнце сушило пряди
Мокрых моих волос.

Сегодня оно, словно в дымке,
Нешадно палит с высоты.
А девочка в белой косынке
Смеется, срывая цветы.

И вновь наплывают ушедшие грезы
И юности светлой блаженные сны.
Любовь и страданье, восторги и слезы
Далекой минувшей прекрасной весны.

Вновь кто-то шепчет волшебные сказки,
Нежно в душе чей-то голос поет.
Вновь голубые прозрачные краски
Кто-то рукою на небо кладет.

Вновь тянет с луга травую пахучею,
Розовой дымкой закат вновь объят.
Жизнь моя, словно звездою падучею,
Вдаль унеслась и... вернулась назад.

Я ходил босиком по росе,
Я вдыхал ароматы цветов.
Их причудливой, нежной красе
Посвящал я напевы стихов.

Тишину я носил на руках,
Убаюкан был пением птиц.
И на мягких дрожащих губах
Ощущал трепетанье ресниц.

Я у моря сидел и мечтал,
Грезил сказками здесь наяву
И в глазах твоих дивных искал
Отраженье небес – синеву.

Я лежал на горячем песке,
На ладони брал солнечный луч
И глядел, как корабль вдалеке
Мне навстречу плывет из-за туч.

Меня Эстония, как Русь,
Своей пленила красотой.
Я в том признаться не боюсь
И душу ей свою открою.

Ее леса, ее луга
Мне снятся темными ночами,
А рек спокойных берега
И наяву приходят сами.

Ее туманные поля
Покрыты тайною печалью.
Хранит эстонская земля,
Что скрыто временем и далью.

Меня грустить в тиши о ней
Ничто, быть может, не обяжет,
Но пух российских тополей
На плечи мне уже не ляжет.

Стихи о Таллинне

Прекрасен Таллинн днем и ночью,
И в снег, и в дождик проливной.
В него влюбиться просто очень
И потерять навек покой.

Встает за дымкою тумана
Старинной башни острие.
Он, словно сказка, без обмана,
Как откровение ее.

Легенды дремлют в этой башне,
Где призрак бродит по ночам,
Где прошлым явственно так пахнет
И тайна грезится очам.

А там, вдали, неторопливо,
Ласкаясь плещется прибой.
И небо серое с отливом
Ему ниспослано судьбой.

Летнее небо над Таллинном,
Запах цветочный пьянит,
И ветер не слишком отчаянно
По тротуарам скользит.

И ходят, обнявшись, влюбленные
По древним его мостовым.
И все светофоры зеленые
Мигают по-дружески им.

А сумерки в город спускаются.
Ты тайне окно отвори.
На стенах домов отражаются
Из сказки ночной фонари.

И в душу мелодии просятся,
Приходят и грезы, и сны,
А сверху со шпилей доносятся
Преданья седой старины.

До свиданья, милый Таллинн!
Расстаюсь я вновь с тобой.
Уношу я в край свой дальний
Силуэт твой голубой.

Уношу Средневековья
Улиц узких старину,
Площадей немногословье,
Их ночную тишину.

Уношу твои напевы,
Летних песен торжество,
Крест в руке скорбящей девы,
Строгих храмов колдовство.

Уношу и грусть, и радость
Встреч прошедших и разлук.
Уношу обман и сладость
Твоих гибких нежных рук.

Город у моря

Здравствуй, Хаапсалу, город у моря,
Вот и встретились снова с тобой.
Здесь когда-то рассветные зори
Мы встречали веселой гурьбой.

Здравствуй, Хаапсалу, город зеленый,
И деревья, трава, и бурьян.
Здесь был каждый в кого-то влюбленный
И от солнца и воздуха пьян.

Здравствуй, Хаапсалу, город веселья,
И стоящий у моря курзал.
Как прекрасны же были мгновенья
Проплывающих пар средь зеркал.

Здравствуй, Хаапсалу, город надежды,
Этот луч до сих пор не погас.
Ты волнуешь и манишь, как прежде,
Но никто тут не ждет уже нас.

Парышеву Владимиру

Милый друг! Нам давно уж за тридцать,
Затуманен, неясен уж взгляд.
Но не будем мы Богу молиться,
Чтобы годы вернулись назад.

Нет на свете мне друга дороже,
Ты мне близкий наперсник и брат.
Наши судьбы сравнимы и схожи.
Ты прости, коли в чем виноват.

Жизнь течет, как река, без возврата.
Ей не крикнешь: «Куда ты? Постой!»
Может, встретимся все же когда-то
За неведомой гранью-чертой.

А пока мы вино не допили,
Не нальют нам его там, во мгле.
Скольких женщин еще не любили
Здесь, на этой прекрасной земле.

Оттого, что ты в жизни есть рядом,
Я и счастлив, и весел стократ.
Мы поднимем бокалы все разом
За тебя, милый друг мой и брат.

Буркову Олегу

Опять суббота. Едут рыбаки.
Не зная сна, не ведая покоя,
Стоят они, как свечки, у реки,
Как будто кони пьют на водопое.

На поплавок глядят из-под руки,
Идут по берегу нетвердою походкой.
А рыба думает: «Ну, что за дураки!»
И отчего вода пропахла водкой?

Сидят и греют кости у костра,
Уху мешая деревянной ложкой,
И говорят до самого утра,
И не о рыбе, а о... женских ножках.

Пожелаю тебе как собрату
Оседлать норовистый Пегас.
Время мчит нас, увы, без возврата,
С ним уходит прекрасное в нас.

Но душа пусть всегда пламенеет.
Ты почаще рассветы встречай
И не дома, где сердце стареет,
А у той, с кем ты был невзначай.

У могилы Игоря Северянина

Освещает, но не греет солнце раннее,
И деревья не отбрасывают тень.
Поклониться праху Северянина
Всякий русский может в этот день.

Над могилой снег кружится, падает
И ложится, стелется ковром.
За него поднять бокалы надо бы,
Помянуть, как водится, добром.

Спит поэт. Ничто его не мучает.
Тишь кругом, куда ни бросишь взгляд.
В наши дни лишь изредка, по случаю,
Здесь его поклонники стоят.

Губы шепчут имя позабытое.
Это слава прошлого уже.
И лежит плита, дождем омытая,
Словно камень, брошенный в меже.

Под Новый год

Под Новый год нам сладко спится
И ночи кажутся длинней.
Во сне проходят вереницей
Воспоминанья прежних дней.

Под Новый год нам сладко спится,
Кружиться снег, поет метель,
На землю голую ложится
Легко, как женщина в постель.

Под Новый год нам сладко спится,
Душа мечтой озарена.
И плакать хочется, молиться,
И пить вино до дна, до дна.

Денег нет. Их вечно не хватает
На вино, на женщин, на друзей.
И любовь иная расцветает
Лишь под шелест новеньких рублей.

Денег нет. Тоска одолевает.
Кажется, что жизнь обходит нас.
И судьба в бокалы наливает
Не вино, а терпкий кислый квас.

Денег нет. Грустить, мой друг, не стоит.
Жизнь прекрасна даже и без них.
Пусть по ним печаль твою разгонит
Славного Хайяма мудрый стих.

Ко Дню Победы

Этот праздник мира, дорогой и близкий,
Никакому времени не подвластен он.
Все цветы весенние несем мы к обелискам,
Павшим всем за Родину отдаем поклон.

Время, этот лекарь, не залечит раны,
Они ноют в сердце каждого из нас.
По ночам не спится нашим ветеранам,
Так и не ушедшим с той поры в запас.

Ночью к ним приходят всполохи пожарищ,
Они снова в гуще яростных атак.
Вновь сраженный пулей падает товарищ
На берлинской улице в битве за Рейхстаг.

Этот день великий ждем мы не для славы,
Слишком много горя принесла война.
О погибших помнить – наш и долг, и право,
Оттого на мрамор пишем имена.

Этот день, как клятва, прозвучит набатом,
Колокольным звоном по родной стране
В память о погибших на войне солдатах,
Но всегда живущих в каждом нашем дне.

У стенда погибших первых солдат правопорядка

Работа у нас непростая
Идет от начала века:
Быть на переднем крае
В борьбе за человека.

Приходят из прошлого даты
Наперекор судьбе.
И смотрят на нас солдаты,
Погибшие в той борьбе.

Еще зажигали лучину,
Еще не рассеялась мгла,
А их убивали в спину
Ножом из-за угла.
Их убивали жестоко,
Трудные были года.
Но поднималась высоко
Отчизны моей звезда.

И нет для них слова «были»,
С живыми они говорят:
«Любите, как мы любили
Родину Октября!»

Расстрелян российский парламент
Из танков почти в упор.
Закончился мирный регламент,
Кровавый идет разговор.

Уж розданы все награды,
Расчет победителей скор.
Сегодня ли это надо?
Россия! Какой позор!

«О, Боже!» – шепчу от бессилья,
А сердцу больней и больней.
Куда же идешь ты, Россия,
По трупам своих сыновей?

К России из ближнего зарубежья

О, Россия, ты близко-близко.
Стоит руки лишь протянуть
К облакам, проплывающим низко,
И печалью наполнится грудь.

До тебя ни дойти, ни доехать
По своей, по чужой ли вине.
Я кричу – и лишь дальнее эхо
Отзывается болью во мне.

Ты одних сыновей позабыла,
А потом ты стреляла в других,
Но прощенья у них не просила,
Не молилась за души их.

Потому и дойдя до порога,
Не нашла для себя ты ответ.
Для меня ты – и боль, и тревога,
Для других же – надежда и свет.

Все равно я тобою болен,
Не скрываю непрошенных слез.
Все мне слышится звон колоколен,
Тихий шелест родимых берез.

Оттого и сильнее сердце бьется,
Потому и тоски не унять.
И живущим нам здесь остается
Все, что делаешь ты, понимать.

И вновь кровавая война
Огнем Россию опалила.
И вновь погибших имена
На свежевырытых могилах.

И снова слезы матерей,
И снова стоны и проклятья.
О, Боже! Вразуми скорей,
Что здесь и там стреляют братья!

А бомбы падают, ложась
На тех, кто прав, кто виноват.
Мне больно русским быть сейчас,
Прости меня, мой «младший брат».

И в скорби голову склоню,
Зажгу свечу у алтаря,
О, Господи! Храни Чечню!
Не дай же крови литься зря!

Шепчу молитву. Тишина
Ласкаясь стелется у ног.
А там, в Чечне, идет война.
Услышит ли молитвы Бог?

Из храма выйду, помолясь,
И легче станет мне.
С надеждой, верой, что сейчас
Наступит мир в Чечне.

Дым над Майданом

Там, где стелется дым над Майданом,
Здравый смысл где и разум меркнут,
Люди, будто в угаре пьяном,
Льют огонь из бутылок на «Беркут».

Все вершилось в каком-то обмане,
И обидно, и жалко до слез.
Убивали их, жгли на Майдане,
Избивали цепями всерьез.

Все крушилось: надежда и вера.
Все кричало и шло вразнос.
Впереди на знаменах – Бандера,
Словно новый жестокий Христос.

Время этот кошмар не излечит.
Боже праведный, нам помоги!
Очень горько с друзьями при встрече
Ощущать, что мы, словно враги.

По поводу переноса Бронзового Солдата в Таллинне

Его всегда таким мы знали,
Одетым в бронзу на века,
Стоявшим в скорби и печали,
Склонившим голову слегка.

Мы приросли к нему душою,
Для многих он почти родной.
Года уносит вдаль рекою,
А он все время молодой.

Солдата сняли с постамента
И с погребенных срыли грунт.
И начался с того момента
Бессмысленный по сути бунт.

Нас, здесь живущих, разделили
И снова дали нам понять,
Что сколько бы ни говорили,
А двум Эстониям бывать.

Но память прошлое хранит,
Оно для нас навеки свято.
И в сталь одетая, в гранит
Придет к Тебе Победы дата.

И все весенние цветы
Склонятся над Твоей могилой,
И павших прежние черты
В живых воскреснут с новой силой.

Мы все в долгу перед Тобой,
Ты в памяти неистребимой.
Ты был солдатом, стал судьбой,
Судьбой, как жизнь, неповторимой.

Одиночество

Пришло ко мне одиночество
На склоне зимнего дня.
Не спросив ни имени-отчества,
Поселилось в душе у меня.

Полночь часы пробили.
И тишина, как во сне.
Те, кто меня любили,
Уже не придут ко мне.

И только в памяти зыбкой
Будут всплывать иногда
Лица с печальной улыбкой
Ушедших друзей навсегда.

Сбывается все же пророчество,
Что, словно бокал вина,
Пить буду я одиночество
Тоже до самого дна.

Вот и жить совсем осталось малость,
Пролетели день за днем года.
На порог ступила моя старость,
От нее не деться никуда.

Час придет, отдам я богу душу,
Ну, а тело предадут земле.
И ничто покой мой не нарушит,
Не протянет руку друг мой мне.

Каждый миг бывает кто-то крайний,
Кто-то завершает путь земной.
Только жаль, что там, за этой гранью,
Мы, мой друг, не встретимся с тобой.

О вечном

Мы уходим из этого мира однажды
И родных, и друзей оставляем мы здесь.
И никто в этот мир не входил еще дважды,
И никто не поведал, что же там есть.

Прощай, мой друг! Идет к концу дорога жизни
В последние разы встречаю я рассвет.
Ты не печалься слишком у меня на тризне
И не спеши за мной туда вослед.

Жизнь уходит в песок водою,
Не оставив даже следа.
Мы не встретимся больше с тобою,
Никогда, милый друг, никогда.

Мир катится куда-то под откос

Весь мир тревожным сумраком объят.
То катастрофы, взрывы, то поджоги.
А трубы войн сильнее все звучат.
Неся страдания народам многим.

Живем в какой-то мелкой суете,
А видим то, что только под ногами.
И в жизни места нет уже мечте,
Все заменили ложью и деньгами.

Уйти бы нам от злобы и вражды,
От бедности суровой и стыдливой,
От подлости людской и от нужды,
От старости больной и сиротливой.

Мир катится куда-то под откос,
Дороги нет, одно лишь бездорожье,
И не найти ответа на вопрос:
Ужель на все благословенье Божье?

Как умру – ничего не изменится.
Будут так же березы шуметь,
А зимою все та же метелица
Будет так же кружиться и петь.

Будет так же вставать солнце раннее
И трава на лугах зеленеть,
Над лесами, полями бескрайними
Будет так же закат пламенеть.

Будут так же по небу весеннему
Облака белоснежные плыть,
И стихи все того же Есенина
Будут так же другие любить.

Будет так же осенней окраскою
Наряжаться деревьев листва,
А дожди монотонно, то с пляскою
Будут так же идти до утра.

Будет вечер пленительно жаркий
На исходе летнего дня,
Будет тихая музыка в парке...
Будет все, но не будет меня.

Капитан милиции Владимир Прокофьев читает свои стихи на смотре художественной самодеятельности МВД ЭССР в Русском драматическом театре. 1985 год.

Замначальника Морского РОВД капитан милиции Прокофьев и старший инспектор по кадрам старший лейтенант милиции Шайков поздравляют женщин Морского РОВД с Международным женским днем 8 марта. 1986 год.

На сборах политработников МВД ЭССР в Рапла. 1989 год.

Сотрудники Морского РОВД Таллинна и члены их семей на отдыхе на острове Сааремаа. 1989 год.

АЛЕКСАНДР РЫБАЛКО

Майор милиции

Александр Карпович Рыбалко родился в 1939 году в Черниговской области Украины. В 1959 году приехал в Таллинн и в 1962-м окончил Таллиннскую специальную среднюю школу милиции. Работал участковым инспектором в Каллавере, начальником спецкомендатуры на ул. Паэ в Таллинне. В 1990 году вышел в отставку с должности замначальника спецкомендатуры в Мяннику в звании майора. Умер в 2005 году.

Идет весна

Чернеет поле снежное,
Меняет свой ковер.
Весны дыханье нежное
Вливается в простор.

Приятно утро раннее
Нас свежестью бодрит.
Днем солнце все стараннее
С зимою говорит.

Ей уходить не хочется,
Еще бы хоть денек!
Но с гор уж так и точится
Весенний ручеек.

Наедине

Люблю места уединенья,
Где улыбается луна,
Где сердца чувствуешь биенье
И оставляет впечатление
Балтийский берег и волна.

Былые штормы, бури, вьюги
Не изменили красоты.
И лучшие часы досуга
Наедине или с подругой
Там проведешь счастливо ты.

И нежность рук ее рабочих,
И то дареное кольцо
Тебя тревожат среди ночи,
И до утра смотреть ты хочешь
В ее с улыбкою лицо.

Холодный душ

(Частушки)

По словам профорга Миши,
Недостатков нет у нас.
Так и в протоколах пишет
Миша Свинин каждый раз.

И, конечно, для утехи
Записал там пару строк:
«Душ холодный в первом цехе
Устранить в ближайший срок».

Денисенко, наш начальник,
Улыбался в этот миг.
Был серьезен наш механик,
Уважаемый Левых.

Но напрасно. Нет надежды.
С душем старая беда.
И сейчас идет, как прежде,
Там холодная вода.

Новогодние рассуждения

Пусть будет снег, пусть будет вьюга,
Но не страшны они для нас.
Порядок в Пирита и Мууга
Мы наведем на первый класс.

Вот мы готовы уже к старту.
Наш план – идти только вперед,
Чтобы в родном поселке Маарду
Счастливым был весь новый год.

Мы выполним свой план огромный
На сто процентов, так сказать.
А с раскрываемостью – скромно,
Процентов так на ...ать пять.

Не говорим – свернем мы горы,
Дела на лад у нас идут.
И если склад взломают воры,
Мы по тревоге тут как тут.

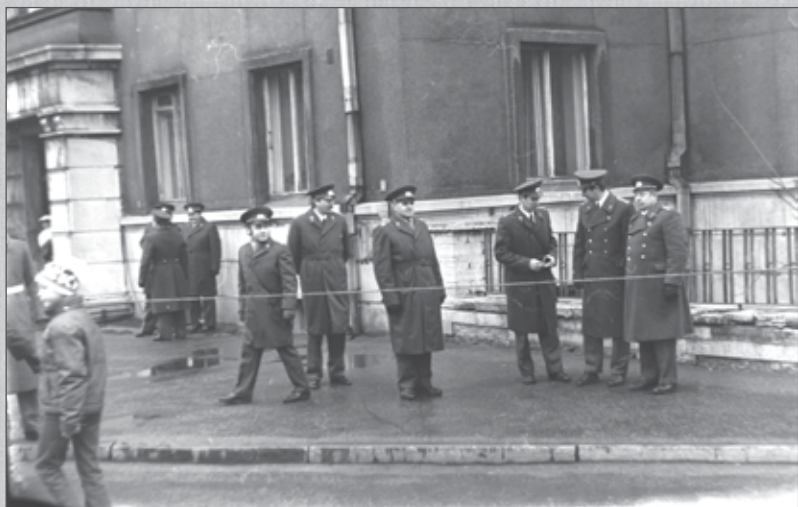
Сотрудники Калининского РОВД во главе с начальником отдела подполковником милиции С. Богдановым и его заместителем И. Кастюком на строевом смотре на стадионе «Динамо». 1979 год.

Старший лейтенант милиции А. Грибунин, капитан милиции Ю. Сидорин, капитан милиции В. Прокофьев, капитан милиции В. Семенов на обеспечении общественного порядка во время Певческого праздника. 1985 год.

Участковый инспектор Центрального РОВД лейтенант милиции В. Сатаров с инспектором уголовного розыска по делам несовершеннолетних И. Кастюком в патрулировании на служебном мотоцикле. 1972 год.

Сотрудники Морского РОВД капитан милиции В. Погорелов, майор милиции Е. Груздев, подполковник милиции В. Бородаев, капитан милиции В. Прокофьев на обеспечении общественного порядка во время первомайской демонстрации. 1985 год.

ЕВГЕНИЙ СМИРНОВ

Майор милиции

Евгений Викторович Смирнов родился в 1949 году. Окончил Таллиннскую специальную среднюю школу милиции и юридический институт. В органах внутренних работал в 1976–1998 годах: заместителем начальника Маардуского отделения милиции, следователем, комиссаром отделения полиции Маарду.

Кот мясом не торгует

Коля Полковник – высокий, привлекательный 34-летний повеса, прозванный Полковником из-за того, что когда-то служил прапорщиком в ЛТП, проснулся от настойчивого стука в дверь. Сначала он даже не сообразил, откуда этот грохот, потому что трещала голова и ломило в висках. Накануне вечером бывшие сослуживцы обильно угостили его низкосортным спиртом «калоша», прозванным так за неистребимый запах резины. Проснувшись, Коля сразу почувствовал, что вся однокомнатная квартира словно настоялась на аромате этой «калоши», а недра организма все еще продолжают его извергать.

В тошнотворной дреме он открыл дверь, не глядя на вошедшего, вернулся в комнату, растворил окно, сел на кровать и поднял голову: перед ним стоял лейтенант милиции.

– Доброе утро! Я – ваш новый участковый инспектор, – хмуро представился он.

– Ну, если вы новый, то я, стало быть, наследуемое имущество от старого.

Инспектор что-то говорил, но все его слова вязли в замутненном сознании Полковника, не доходя до органов чувств. Коля пытался воспроизвести вчерашние события и вспомнить, куда же запропастились 200 грамм разведенного спирта, оставленные на похмелку. А когда вспомнил, то, не обращая внимания

на милиционера, ринулся в уборную, достал из шкафа заветную бутылочку и, пока гость соображал, что к чему, оприходовал ее содержимое. Но легче после этого не стало, так как к горлу тут же подступил приступ рвоты.

Когда участковый появился в санузле, Коля, стоя на коленях, уже страстно обнимал унитаз.

– Что вы тут делаете?

– Понимаете, я – язычник и поэтому ритуально молюсь духу канализации. Кхе, кхе, кхе.

Суровый милиционер не воспринял иронию и недоверчиво заглянул через плечо «молящегося». Убедившись, что сбежать через туалетные коммуникации чрезвычайно сложно, он вернулся в комнату.

«Добро на говно перевел, – подумал Полковник о бестолково использованном напитке. – Да и этого придурка нехоти принесло».

Участковый инспектор, видя состояние клиента и бесполезность общения с ним, вручил ему повестку и торжественно удалился.

Башка продолжала трещать, а тошнота, словно на качелях, то взлетала высоко к горлу, то проваливалась куда-то в желудок. Мысли в голову лезли самые безысходные: «Ни денег, ни жены, ни работы...» Хотя, по правде говоря, иметь сразу две обузы – жену и работу – у Коли желания не возникало. Почти десять лет жена «ждала, надеялась и верила», что ее красавчик муж возьмется за ум, но, в конце концов, раз-

меняла квартиру, продала свою часть жилья и, забрав ребенка, уехала к матери. Коля не особо из-за этого расстроился, ведь алиментов она от него не требовала, а женушек, как он считал, еще лет на 25 ему хватит. Однако в настоящий момент ему было очень тяжело.

«Мрак, мрак, мрак. А тут еще этот участковый. Если он всерьез присосется, то наверняка отправит меня в ЛТП или посадит за тунеядство». ЛТП он не боялся. «Да там почти курорт», – разъяснял он собутыльникам, когда те интересовались жизнью в этом заведении. Но это было очень унижительно для его общественного положения в чине «полковника». Судимость же была бы вообще несмываемым пятном на его «интеллигентском» имидже. В общем, и то и другое было для него неприемлемо.

Но долго предаваться таким рассуждениям в болезненном состоянии он не мог. Мысли перескочили на более актуальную тему: «Где же все-таки похмелиться?» Вариант с Веркой Коромысло – длинноногой дамой лет сорока, торгующей самогонкой, он решительно отбросил. Конечно, она похмелит и накормит, но одна мысль о том, что эта дева полезет к нему с поцелуями, благоухая запахами протухшей селедочной бочки, вызывала тошноту. К ней он приходил, а точнее приползал, лишь в исключительных случаях. В других известных ему точках, где толкали спиртное, он был должником, поэтому соваться туда бесполезно.

Пивной ларек встретил Полковника сиротским унынием. Пиво не завезли. Сесть кому-то на хвост у магазинов и баров также не получилось.

Наконец недалеко от рынка он встретил компанию подростков, сбившихся, словно непоседливые воробушки, в веселую стайку. Это были уличные спекулянты водкой. К ним постоянно подходили мужчины. И тогда кто-то из «воробышков» отрывался от «стайки», летел в «гнездышко» и вскоре возвращался с товаром. Горбачевский указ о борьбе с пьянством сделал их занятие более опасным, но зато более доходным и престижным.

Коля с каким-то зудящим чувством собственной неполноценности взирал на их беззаботный вид, обиженно вслушивался в их веселый щебет и с завистливой тоской оценивал почти новенький жигуленок, приобретенный одним из этих птенцов на доход от спекуляции алкоголем. Еще недавно Полковник как уличный авторитет мог потребовать от них пошлину за право спокойного сбыта водки. Но сейчас молодняк сам «оброс мхом», группировался, а то и нанимал не менее авторитетных защитников. Поэтому, чтобы получить авансом бутылку бормотухи, ему пришлось пообещать паренькам разобраться с конкурентами-чужаками.

Дома, похмелившись, Полковник снова стал жаловаться самому себе на свою же

непутевую жизнь. В последнее время у него получался один пролет за другим. Недавно, к примеру, он познакомился с приличной состоятельной женщиной, представившись следователем по особо важным делам. Та, в свою очередь, попросила его помочь подруге уладить вопрос с наследством погибшего мужа – недостроенным домом, на который претендовали родственники погибшего. Поразмыслив, «важный следователь» согласился и заявил подругам, что если он берется за дело, то все будет «хок-кей». При этом он втайне намеревался поддерживать близкие отношения с обеими леди. И какой черт его дернул, нажравшись, припереться к молодой вдове и без подготовки попытаться установить с ней более близкий контакт! Вдова оказалась со сложным механизмом общения и отшила самца, а затем, естественно, сообщила подруге. Женщины довольно быстро поняли, какие у него «особо важные дела», и кормушка захлопнулась.

«Чем бы таким заняться, чтобы стабильно поддерживать сытую и умеренно хмельную жизнь? – ломал голову повеса. И тут его осенило: – А чем я хуже этих щенков на винном пятаке? Я что, не сумею так же сдавать водку? Ну, уж нет. Я смогу быть коммерсантом почище их. Но где взять стартовый капитал? Сдать водку не проблема. Но нужно сначала ее купить, а с деньгами... А съезжу-ка я к тете.

Она богатенькая, экономная, за меня беспокоится. Поплачусь ей. Скажу, что хочу уехать к жене пока не поздно. Но перед этим нужно заплатить долг за квартиру, а потом выгодно продать ее. Правда, стыдно врать родному человеку. Но ведь я же ей долг верну! Потом разживусь и, пока не посадили, в самом деле уеду к жене и сыну. Значит, решено! Постой, постой. А где ты возьмешь столько водки, даже если деньги и будут? Ведь она продается по талонам. Ммм... Мда... – Мысль его лихорадочно работала и не могла не найти выход. – А если попробовать... Ну, конечно же – Нонночка, миленький мой страшильчик! Как давно я тебя не видел».

Нонна, неказистая, но чистоплотная подружка Полковника, всегда довольно охотно принимала его, несмотря на регулярные обманы. Она работала в винном отделе магазина железнодорожного ОРСа. Так что лучшего варианта и придумать невозможно.

В разговоре с тетей он почти рыдал от тоски по жене и сыну. «Побыстрее бы погасить долг, продать квартиру и – к ним! Хоть бегом бежать, но только к ним». Нонне же наплел, что наконец-то освободился от угнетавших его семейных пут с нелюбимой женой, к тому же изменявшей ему с начальником. «И чего ей не хватало, я же так любил ее», – жалобил он женщину. Но зато теперь они с Нонной могут строить свои отношения на свободной и

долгосрочной основе. Заворожил он ее и возможностью устроить зажиточный быт.

Обе женщины растаяли, и в результате 20 бутылок дефицитной водки покорно ожидают своей участи в спортивной сумке фирмы «Адидас». В напарники Полковник взял соседа Вовчика.

– Так, Вовчик, – начал он свой инструктаж перед выходом на дело, – пару пузырей мы оставляем себе, чтобы обмыть удачное окончание работы, а в том, что она будет удачной, я нисколько не сомневаюсь. Согласен?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

– Пятая часть от выручки – твоя. Согласен?

– Спра... А... а почему только пятая?

– Знаешь, Вовчик, не надо меня обижать. Ты же – квалифицированный грузчик, а не можешь уяснить элементарной бухгалтерии. Во-первых, чье финансирование проекта? Далее учти организационные издержки, да и коммерческий и юридический риск, наконец, на ком лежит? Ну что, согласен?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

– Но сегодня выручку делить не будем.

– Почему?

– Ну, Вовчик, ты опять меня обижаешь. Естественно, почему. Во-первых, необходимо погасить банковский кредит, взятый у тети. Во-вторых, пустим оставшуюся сумму в оборот и приобретем товар, чтобы в дальнейшем накапливать наш капитал...

– Ну, спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

– Теперь уясним диспозицию. Ты будешь сторожить в кустах сумку с водкой и одновременно быть на стреме, чтобы менты с тыла не подловили. Если что, хватай товар и тягу. Встречаемся у дома. Если ко мне подходит клиент и мы с ним договорились, то я поворачиваюсь назад и высмаркиваюсь. Ты берешь пару пузырей и заходишь ко мне со стороны газетного киоска, чтобы не засветить склад. Усек?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

Товар расходился довольно шустро. Правда, на последних двух бутылках наступила производственная заминка. Клиентура куда-то рассосалась. Вовчик озяб, его достали комары, и он стал скулить и убеждать Полковника, что не мешало бы пропустить грамм по сто для согрева.

– Ты что, Вовчик, законов коммерции не знаешь? – наехал на него шеф. – В нашем деле расслабляться до полной остановки конвейера смерти подобно.

– Спрашиваешь... женский воп... Суки, зажрали совсем!..

К радости Вовчика, вскоре объявились счастливые обладатели двух последних бутылок. По дороге домой к коммерсантам присоединился брат Вовчика Леха.

Под хороший закусон кило водки как-то незаметно растворилось в утробах доволь-

ных жизнью мужчин. Но ожидаемого эффекта от выпитого почему-то не последовало. Компаньоны выжидательно посматривали друг на друга, словно спрашивая совета. Они, как робкие влюбленные, не решались первым открыться и сказать что-то очень важное и необходимое. Наконец «генеральный директор», пересчитав выручку, решился:

– Ладно, Вовчик. Меня совсем не разобрало. Давай возьмем еще бутылочку, потом компенсируем. Ведь дело-то пошло. Как считаешь?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

Леха как самый молодой с удовольствием сбегал в «командировку». Вскоре компаньоны решили, что завтра возвращать «банковский кредит» совсем не обязательно. Лучше сделать это после поступления стабильного дохода. А это означало, что на столе вскоре появились еще две бутылки водки. После двенадцати ночи цены на уличную водку подскочили наполовину, поэтому, чтобы затариться по прежней цене, на «пяттак» отправился сам Полковник. Однако и ему пришлось заплатить за спиртное дороже. Более того, вместе с водкой он притащил домой двух приятелей, поивших его накануне спиртом «калоша». Надо сказать, что Полковник, несмотря на все его мошеннические замашки, был добродушным и нежадным парнем.

Утром Коля проснулся оттого, что солнечный свет нахально протиснулся сквозь за-

шторенные окна и опущенные веки и слезил глаза. Он с удивлением обнаружил рядом с собой спящего «валетом» Вовчика, а на полу, словно неубранные детские куклы, валялись заводские приятели. Проснувшись, они сначала попросили похмелиться, но узнав, что опоздали на работу, как ошпаренные выскочили из квартиры. В кармане у несостоявшегося коммерсанта денег оставалось только на несколько кружек пива.

«Так жить нельзя», – некогда изрек кинорежиссер Говорухин. «Надо идти другим путем», – еще ранее выразил эту мысль Ленин. «Так жить нельзя. Надо идти другим путем, – повторил, держа кружку с пивом, Коля Полковник. – В следующий раз буду умнее».

В следующий раз, то есть в этот же день, он подъехал к тете со старой песней, только добавил в нее новый куплет о том, что проворачивает одну необходимую операцию. Добрая тетя, не без опаски за судьбу племянника, узнала, что тот собирается заключить фиктивный брак с немолодой, но зажиточной дамой и как жену прописать в свою квартиру. В итоге этой операции он получает крупную сумму, разводится и, сбросив груз прошлых грехов и ошибок, с чистой совестью и полным карманом денег летит к своим. Тетушка посочувствовала племяннику, попросила поостеречься, как бы не обманули, но денег дала вполтину меньше, нежели в предыдущий

раз. Суммы хватало на десять бутылок водки. «При умном раскладе и пуританском воздержании этого достаточно для стартового коммерческого рывка», – мысленно резюмировал Полковник и направился брать следующий барьер.

Нонна, как и тетушка, при новой встрече была не столь восторженна, но изворотливый проходимец убедил и ее.

– Понимаешь, я всю партию водки по более выгодной цене сдал знакомому на безалкогольную свадьбу его дочери. Он заказал еще десять бутылок, а сегодня полностью рассчитается. Так что мы с тобой уже можем кое-что планировать.

– Ну, хорошо, если так. А ты сегодня приедешь ко мне?

– Ой, нет, Нончик. Сегодня и завтра не смогу. Иду на халтуру. Подрядились с корешком одному куркулю дачу оштукатурить. Рассчитываем за два дня справиться. Так что будем пахать до упора. Извини.

– Ты и штукатурить можешь?

– Нончик, милая, за что же ты меня так обижаешь?

– Да нет, что ты. Я просто не знала про твои способности.

– Эти руки, родная моя, – он артистично поднял кверху свои растопыренные клешни, – эти руки на многое способны. И ты в этом еще убедишься.

Следующей ответственной задачей Полковника было довести товар до дома и не быть замеченным при этом никем из приятелей. Однако на одной из остановок в автобус вошел муж его двоюродной сестры Валера по кличке Неполное Счастье. Любитель выпить за чужой счет, он постоянно стрелял у знакомых почему-то именно 42 копейки, которых ему так не хватало «до полного счастья». Но полное счастье все равно не наступало. На постной роже вошедшего контрастными светотенями было намалевано выражение страшнейшего похмелья. «Только бы не заметил меня», – подумал Полковник. Но не для того Неполное Счастье появился в полупустом автобусе, чтобы не заметить дальнего родственника. Как ни пытался коммерсант спрятать глаза в забрызганном грязью заднем стекле автобуса, его все-таки настиг окутанный винным перегаром вопрос:

– Здорово! Ты откуда это пробираешься?

– Откуда-откуда... Домой пробираюсь, вот откуда. Не видно, что ли? – последовал резкий, но философски выверенный ответ.

– Ну, так бы и сказал, а чего орать-то. Я вот у своей спросил, дай хоть на пиво до полного счастья, так она, стерва, – иди в парниках хотя бы прополи. Вот и двигаюсь на огород. Полковник, а у тебя нет сорока...

– Нет, нет, сам на мели.

Бутылки с водкой мирно затаились в сумке и не изъявляли никакого желания подавать

голос. Но хозяин отлично понимал, что любая выбоина под колесами автобуса заставит их возмущенно напомнить о себе. То же самое произойдет, если он будет поднимать сумку с пола.

Так и случилось при первой же небольшой встряске автобуса. Тонкий мелодичный звон стеклянных бубенцов был моментально уловлен «радарами», настроенными на эту волну. Небритое лицо тут же повернулось в сторону источника звука. А там из предательски расстегнувшейся сумки с любопытством высунулись красивые винтовые шапочки милых сердцу бутылочных головок. Неполное Счастье посмотрел в лицо отвернувшемуся Полковнику, потом еще раз опустил глаза, чтобы убедиться в реальности неожиданного открытия, а затем опять поднял их вверх.

– Полковник. Коля. Ты... это... Ну, немного, грамм писят... до полного... Умру ведь.

– Нет, ни грамма не могу. Это закуплено на день рождения нашего бригадира. Извини, не мое.

– Какого бригадира? Ты ж не работаешь. Ну, Коля, хоть немного, ведь тошнехонько мне. – Валера вцепился в рукав непреклонного коммерсанта и, как преданная шавка, уставился на его сердито нахмуренный лоб. – Коль, Коль, ведь в самом деле сердце останавливается. Вот сдохну, ты, что ли, будешь племянников кормить?

– Отчаль, отцепись, еще раз говорю. А то сейчас шлифану – мало не покажется. Сразу похмелишься, и подышать не придется.

Валера отошел на всякий случай на шаг, но обиженно скулить не перестал.

– Шкура ты, Полковник. Родственнику пьют грамм плеснуть жалко. А помнишь, ведь я тебя две недели поил и копейки не спрашивал. А тут хоть умри.

Валера на самом деле лет пять назад угощал действующего прапорщика водкой. И с тех пор при каждом удобном случае напоминал о своей щедрости и бескорыстии. Причем продолжительность и объем этого угощения постоянно увеличивались по мере удаления самого события в исторические дебри.

Нытье достало Полковника. На ближайшей остановке он схватил родственника за плечо и буквально вынес из автобуса. Неполное Счастье сжался в ожидании удара. Но Коля не собирался его бить. Он просто решил дать ему глоток исцеляющей жидкости, похмелиться самому, и сразу же бегом домой.

– У тебя жратва есть, подышающий родственник?

– Да баба положила что-то с собой на огород, – мгновенно ожил тот.

Они пролезли через дырку в заборе поблизости столярного цеха и примостились в укромном уголке производственной территории, спрятанном от глаз администрации за-

рослями ивняка и высокой травой. Собутыльники сделали несколько глотков из горлышка, Коля закрутил бутылку пробкой, поставил в сумку и собрался уходить. Однако судьба распорядилась иначе.

На территорию цеха зачем-то въехал милицейский уазик. Из машины вышли несколько милиционеров, в том числе участковый инспектор, к которому Полковник не пришел по повестке. Уходить в этот момент через ворота или дыру в заборе означало бы встречу с участковым, а это не входило в Колины планы. Перелезать через забор, поверху украшенный гирляндами колючей проволоки, было неинтеллигентно и травмоопасно, а отрывать новую доску от ограждения – слишком шумно. Оставалось только переждать в облюбованном укромном уголке.

Там же приятели нашли предусмотрительно завернутый кем-то в целлофановый пакетик граненый стакан, что существенно улучшило сервировку стола. Начатую бутылку они допили как само собой разумеющееся. Под какой мотивацией была распечатана следующая бутылка, Коля не смог впоследствии объяснить даже самому себе, ведь все его сознание было изначально настроено против такого кощунственного акта. По-видимому, органы наши порой действуют подсознательно, без подключения серого вещества, через автоматизм однотипных движений. А вот кто

пригласил на банкет двух местных работяг, он просто не помнил.

Проснулся Полковник, когда уже смеркалось. Его хмельной сон снова растревожил участковый инспектор, лягнувший лежащего сапогом под зад. Коля проснулся, потряс головой, огляделся. Вокруг валялись пустые водочные бутылки, бумага, остатки еды... Под кустом калачиком свернулся Неполное Счастье, а в метре от него «обнявшись, будто две сестры» храпели два хмыря в рабочих робах.

– Что это такое, Николай? – сурово начал участковый.

– Что это та... та... такое? Это, начальник, то, что и дол-л-лжно бы... было произойти, – заплетающимся языком расфилософствовался Полковник и, немного помолчав, закончил начатую мысль:

– Я хочу ска... сказ-з-зять тебе, начальник, что кот мя... мясом не торгует. – Он направил на участкового указательный палец и чеканно выдавил из себя: – Да, ты... ты совер-р-ршенно пр-прав, начальник: кот мясом торговать не м-м-может.

И обессиленно повалился на траву.

Насильник Кузя

Начальник отдела милиции привычно просматривал поступившие за сутки материалы о происшествиях и другую корреспонденцию и расписывал их для исполнения. Его внимание привлекло длинное заявление об изнасиловании, пришедшее по почте. Написала его одинокая пожилая женщина. К подобным заявлениям у начальника было если не предубеждение, то, во всяком случае, осторожность. Старческие недуги таких авторов провоцировали преувеличенность негативных оценок, что порой приводило к курьезам. Однако беззащитность пожилых людей взывала к придирчивому рассмотрению жалоб.

«Уважаемый товарищ начальник милиции! – Так обычно начинались подобные повествования. – Нет сил терпеть более эти безобразия. Я – старая, я – пожилой человек и защитить меня некому». Далее следовал рассказ о личной жизни и трудовых достижениях автора, который начальник пропустил. Существо же письма было изложено довольно кратко, но именно оно заставило его задуматься.

«...так вот, Норочка моя умерла. Умерши она стала от сотворенного над ней насилия. И даже родить не было силы. Норы, радости моей, нет, а насильник и убийца Кузя гуляет и продолжает безобразничать. Ворует, что попадает на глаза. Такое же насилие он со-

вершил над Лерой из 48-й квартиры, фамилию, простите, не знаю. А живет Кузя у Нинки Малышкиной. А она то выгонит его, то опять примет. Баба взбалмошная, ей слово не скажи – сразу изматерит...»

Из сути заявления можно было предположить изнасилование. «Только вот почему гражданка, как ее там... Чулкова, сразу не сообщила в милицию? Может, этот Кузя жил с ее Норой? – рассуждал начальник. – Тогда и криминала, возможно, нет. Ладно, пусть участковый инспектор сначала разберется, что к чему».

Участковый инспектор Каплин, мрачный неразговорчивый младший лейтенант, прочитал адресованное ему для исполнения заявление.

– Сергей Петрович, – обратился он к начальнику отделения, проводившему совещание с участковыми, – но здесь же уголовное дело надо возбуждать, а вы мне подсовываете. Не буду я эту бумагу исполнять. Я ж – не следователь и не уголовка.

– Что значит – «не буду»? Можешь дома жене говорить буду-не буду. У тебя заявление, а есть там в описанных действиях преступление или нет, выяснишь ты. Дошло? Короче, опросишь подробно заявителя и вторую женщину, которая упоминается как изнасилованная, и принесешь бумаги сюда. Материал сырой, не для следствия, а розыскники и без этого завалены сверх меры. И не забудь: срок

рассмотрения – три дня, а не тридцать и даже не десять.

Каплин положил заявление в папку и, обремененный заботами о ремонте квартиры, не думая ни о чем другом, отправился домой красить окна и двери.

– Ну, что там сделано по заявлению Чулковой? – поинтересовался через день на утренней оперативке начальник отделения. Младший лейтенант, не отвечая на вопрос, обиженно отвел глаза к окну. Он просто забыл про это заявление и, застигнутый вопросом врасплох, засопел, как бульдог. Его мозг включил аварийный режим мышления, судорожно подбирая, что бы поправдивее наврать.

– Ты что, оглухел, Каплин? Я тебя про изнасилование спрашиваю.

– А я... это... его это... дома не было, – замямлил он путано.

– Кого дома не было? Изнасилования? Значит, оно было на улице или в подвале? Так, что ли, тебя понимать?

– Нет, его заявителя дома не было.

– Заявитель-то – она, бабка, да будет тебе известно.

Мрачное лицо участкового побагровело и покрылось испариной, а заявление по изнасилованию продолжало целомудренно лежать в папке между другими посланиями, повествующими о семейных скандалистах, выбитых стеклах, кусачих собаках...

– Слушай, Каплин! Если завтра к утру этот материал не будет исполнен, то о тебе здесь будут напоминать только заволокиченные тобой документы, да и то, надеюсь, недолго.

Через полчаса Каплин уже звонил в квартиру гражданки Чулковой. Но ее в самом деле дома не оказалось. Недолго думая, он заполнил повестку и засунул ее в щель у скважины замка. Такая же процедура была проделана и у дверей квартиры Малышкиной. К его великому сожалению, не было дома и жильцов квартиры номер 48, где проживала еще одна жертва насильника Кузи. Однако здесь «микромайору» повезло чуть больше. От соседки он узнал, что хозяин квартиры Юрий Колосовский находится на излечении в инфекционной больнице.

В приемном покое больницы Каплину сначала не разрешили производить опрос пациента Колосовского – «Не положено! Инфекция!» Дело в том, что больной подхватил в командировке несвойственную для разъездных работников заразу – дизентерийную, а не венерическую, как все приличные путешественники. Поэтому за столь постыдное приобретение он примерно на месяц был надежно изолирован от общества. Но отступить участковому было некуда, время подперло. А с другой стороны – кому это «не положено»? Ему, представителю власти при исполнении расследования тягчайшего преступления? Ну,

уж нет. Он этот инкубатор заразы поставит на место, а свой долг выполнит.

Напористость Каплина принесла результат. Медики разрешили ему побеседовать с пациентом, но только через... «телевизор», то есть застекленный проем двери. Неизвестно, как бактерии, но звук через двойные стекла просочиться практически не мог. Это обстоятельство не оставляло инспектору иного выхода, как выяснять подробности изнасилования языком жестов, мимики и движений тела. Наверное, младший лейтенант мог найти свое призвание в балете-пантомиме, ибо по его выразительным па и мимике можно было уяснить, что речь идет об изнасиловании или, во всяком случае, о половом акте. Вероятно, отчасти понял это и собеседник Каплина за стеклом, так как иногда он кивал головой. Но лицо больного почему-то оставалось бесстрастным. Возможно, он никак не мог понять, почему этот тип в милицейской форме домогается именно его и именно в период жидкого стула. Однако такого общения было явно недостаточно для составления полноценного объяснения.

И находчивый инспектор пошел другим путем. Он достал листок бумаги и, приложив его к стенке, стал писать. Шариковая ручка в горизонтальном положении писала плохо, но все же корявым неразборчивым почерком он нацарапал основную мысль вопроса: «Жива

ли Лера после изнасилования?» – и приложил листок к стеклу.

Безусловно, такая форма общения способствует более полному взаимопониманию собеседников, нежели пантомима. Неслучайно больной Колосовский заинтересованно уперся носом в стекло и, шевеля губами, попытался отождествить нацарапанные каракули с буквами. Вскоре выражение его лица стало меняться. Оно недоуменно вытянулось и замерло с полуоткрытым ртом. Следующим этапом уяснения и оценки написанного было то, что мужчина схватился за сердце и стал медленно оседать на пол. Дверь тут же отворилась, и появившаяся медсестра решительно погнала Каплина от палаты. Сыщик в этот момент услышал, что больной бормочет: «Лора... Лора...»

Когда младший лейтенант пришел в отдел, в коридоре его уже ждала заявительница Чулкова. Он зашел в кабинет и, устало плюхнувшись в обшарпанное кресло, подпер руками голову. Бабка вкатилась вслед за ним без стука.

– Вызывали, сынок? Вы Каплин будете?

– Садитесь, – буркнул в ответ инспектор.

– Спасибо. – Маленькая старушка с довольным видом примостилась на краешке стула.

– Фамилия?

– Моя-то? А Чулкова я, Чулкова Шура, значит. Шурой-то меня все зовут, а вообще-то я

Хуршет, по-татарски-то. Раньше-то я Гараевой была.

– Отчество?

– А Николаевна я, Николаевна. Вообще-то папа по паспорту Наим был, по-татарски-то, но можешь как хочешь писать, – разрешила она.

– Расскажите, как дело было с вашей Норой.

– Да что, сынок, говорить-то? Нет ее уже и не вернешь, – всплакнула старушка и поднесла к глазам платок.

– Когда это произошло, где и вообще как все получилось?

– Ну, как это получается, поди, и вам известно. А было это аккурат в вашу Пасху. Норочка-то гуляла и зашла к скверику за нашими сараями. Вы там бывали, наверное, место-то поганое. Кузя там прямо так и ошивается. Там же алкаши постоянно. Ну, кто чего подаст ему. Вот Кузя прямо и налетел на нее. Савичев толсторожий и Чума Лешка там же были и не прекратили злодейства, а мне еще не отдали за три бутылки...

– За что, за что? – наострил уши участковый.

– Да так, деньги, говорю, занимали, а Норе не помогли.

Бабка расплакалась и сквозь слезы запричитала о том, как за свое добро, что она делает людям, в ответ получает лишь боли и обиды.

В это время зазвонил телефон. Звонила подруга жены Каплина, кладовщица на складе строительных материалов. Она сообщила, что привезли красивые недорогие обои и если он хочет посмотреть и купить их, то пусть немедленно приезжает. После такого известия у инспектора, естественно, пропало всякое желание продолжать опрос. Он засуетился и сунул Чулковой бланк объяснения с заполненными ее паспортными данными.

– Вот на этом бланке изложите дома все подробненько, а вечером или завтра утром я к вам зайду и заберу его, чтобы вам опять сюда не тащиться. И не беспокойтесь: и Кузю, и Малышкину обязательно накажем.

– Дай-то бог, дай-то бог, сынок.

Вызванная на пять часов вечера Малышкина не пришла. Прождав ее почти до шести, участковый решил покончить с ролью неудачливого влюбленного. Он убедил начальника, что Малышкина – циничная и опасная преступница и что ее необходимо доставить утром в отдел силами дежурного наряда.

Утром у дверей кабинета сидела статная женщина неопределенного возраста. Прическа ее была, мягко говоря, «неубрана», и волосы торчали на голове, как на болотной кочке. Зато губы выделялись алой яркостью. Женщина была явно не в духе.

– Фамилия? – вежливо, но официально сказал инспектор, пригласив ее в кабинет.

– Вчера на бумажке писал, а сегодня память отшибло?

– Послушай, Малышкина...

– Посмотрите – вспомнил!

Каплин был явно не готов к такому началу разговора и поэтому ляпнул, что первое пришло на ум:

– Я вот сейчас брошу тебя в камеру, там ты быстро научишься хорошему тону.

– Ой, да сделай милость! Там хоть твоей постной рожи видеть не буду, а то с похмелья и без тебя тошно.

Участковый, захлебываясь гневом, вскочил со стула, а женщина, сдавив виски ладонями, мягко и безразлично пробормотала:

– Да спрашивай ты быстрее, чего хотел.

– Документы есть с собой?

Она сунула руку в декольте, достала тубик помады и с шумом шлепнула его на стол.

– Что это?

– Вот возьми. Это единственное, что дали мне взять с собой ваши мордовороты!

– Хорошо, хорошо, – смягчился инспектор, надеясь таким образом найти контакт с опрашиваемой. – Ты лучше расскажи мне про Кузю.

– А что, Кузя вам всем соли на хвост насыпал, что ли? Ну, живет он у меня временами. Прописан в другом месте, так сейчас это можно. Работу имеем, пьем на свои. Баба я ничего, одинокая, все при мне, как видишь. – Она хлопнула себя по полноватым бедрам и под-

бросила ладонями выпирающие из-под кофты груди. – Кому какое дело? – Она на мгновение застыла с открытым ртом, а потом, качая головой, словно прозрев, продолжила: – Ах, вот оно что... Теперь-то мне понятно. Наверняка эта сушеная кикимора что-то накатала. Вот ведь сучье вымя! Ей давно на кладбище прогулы ставят, а она... Ну, я из этой Чулковой портянку вонючую сделаю...

– Отвечай по существу! – хлопнул ладошкой по столу Каплин.

В это время в кабинет вошла женщина в форме майора милиции. Это была старший следователь. Именно ей предстояло забрать материал по изнасилованию для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Смущенный присутствием майора, младший лейтенант продолжил опрос сдержаннее, но тверже.

– Во-первых, твой Кузя – преступник...

– Во-первых, – парировала Малышкина, – он «Кузя» только для меня, а для всех остальных он Кузьминский Анатолий Сергеевич. Ясно? Я же не называю инспектора Каплина Каплей. Капля с носа. А во-вторых, он работага и классный сварщик, а не пристроился придуком, как некоторые...

Майоршу возмутил развязный тон опрашиваемой. Она хотела одернуть ее, но инспектор решил удержать нить разговора в своих руках и показать себя выше оскорбительных намеков вздорной бабы. Хотя, по правде го-

воря, кроме куцега заявления ему и крыть-то было нечем. У него не было никаких документов, подтверждающих виновность этого Кузи, или Кузьминского, если называть все своими именами. Даже объяснение он не удосужился забрать у старухи. Оставалось только попробовать взять клиента на испуг.

– Знаете, Малышкина, вчера я был в больнице у гражданина Колосовского. Знакомы с таким? – Перейдя на «вы», сухо и загадочно начал Каплин.

– Ах, так это ты вчера туда приперся? – перебила его женщина. – У меня там подруга работает. Значит, это ты наплел дристу, что его Лорка отбросила копыта после изнасилования? Он, бедняга, от удивления даже в обморок свалился. Еле откачали. Да его кобыле хоть всех вкладчиков МММ приводи и Леню Голубкова с братом в придачу, и то будет, что слону дробина. Ее же ломом не убьешь, а не то, что... Во, люди, во, работнички! Делать им нечего. Шляются везде.

– Перестаньте хамить и не вводите в заблуждение. Я имею в виду не Лору. Ваш друг или как его там...

– Ну, хахаль, так и говори – хахаль...

– Кузьминский Анатолий подозревается в изнасиловании Чулковой Норы и Колосовской Леры. Леры, а не Лоры.

– Чулкову Нору... Колосовскую Леру... – Выразительные черные глаза Малышкиной рас-

ширились, как у Чебурашки. Она уставилась удивленным взглядом сначала на участкового инспектора, отчего тот аж приподнялся в кресле, полагая, что попал в точку, потом перевела взор на строгую майоршу, а потом судорожно обхватила растопыренными пальцами лицо и истерически то ли завывала, то ли захохотала:

– О-о-ох, бабы, ой, держите меня, ой, бабоньки, усс... ой, держите меня... Ну, Кузя, ну, террорист, ну, Чикатило! Наберут ореликов в родные органы... Ой, бабы, зато хоть насмеешься вволю... Да Кузя-то, Кузя-то – пес мой, дворняга. Когда внук у меня жил, так играл с ним. Эта скряга Чулкова все денег жалела, чтобы сводить свою Нору к кобельку той же нации. Ну, Кузя и удовлетворил ее. А собачонка-то, видно, как монахиня, так навоздерживалась, что, получив удовольствие, не смогла пережить такой радости. А мужик дома и надумил старую дуру написать письмо в милицию. Жаль, что не прямо к Боре Ельцину. Тому, наверное, и консилиум не потребовался бы. О-о-ох, наберут ореликов... А с Колосовским-то, с Колосовским-то еще большая хохма вышла. Тот звонил в телефонной будке и поводом прижал собачонку к закрытой двери. Та без маневра. А Кузя, Кузя-то мой, не будь дурак, и оприходовал ее. Ой, бабоньки, ой, террорист, ой, Чикатило... А Юра так уж берег свою Леру, с поводка не спускал. Так и ходит

эта семейка с поводками – Лора Юру водит, а Юра – Леру.

Строгая майорша забилась в нишу между шкафом и стенкой и смеялась навзрыд.

– Ну, времена, ну, дела, – продолжала до-
нимать участкового Малышкина. – Во демо-
кратию сотворили, на дворняг дела стряпают.
Где вы таких Холмсов откопали? Ты, парень,
вот что: у меня еще кот Ерофей есть, так он и
Кузю переплюнет. Ты уж, если что, ему повест-
ку не присылай, бесполезно, сразу ОМОН на-
правляй.

Встав и без разрешения выйдя из каби-
нета, женщина, шатаясь от смеха, поплелась
по длинному милицейскому коридору к вы-
ходу. Инспектор же бессмысленно уставился
на оконную раму, где не то сидела муха, не то
чернела шляпка гвоздя.

Как вынести твою улыбку?
Как выдержать нескромный взгляд?
Как вытерпеть соблазна пытку?
Как чар твоих развеять яд?

Но все сложнее скрывать желанья,
Труднее взглядов избегать
И на истомное дыханье
Спокойством ложным отвечать.

От одного прикосновенья
В сознании сладостный туман.
Боишься, хоть и ждешь мгновенье,
Когда игра и искушенье
В тугой завяжутся роман.

От роковой не скрыться даты.
И все сомненья прекратив,
Гипнозом трепетным объятый
Идешь на чувственный порыв.

Сплетенья чувственных узоров
Подвластны логике своей.
И большим кажется позором
Отвергнуть мед хмельных страстей,

Чем грешной покорившись власти,
Забуть торжественный обет.
И меркнет перед вспышкой страсти
Мерцающий семейный свет.

Что пожелать, не повторяясь,
В кругу словесной суеты?
Всех самых лучших благ желая,
Хочу, чтоб улыбалась ты.

Чтоб и в обыденную дату
Натужным не казался день.
С зарею – свежесть, сон к закату,
В досуг – томительную лень.

Чтоб ты горела новой целью,
Когда исполнятся мечты.
Уют с согретою постелью,
Шарм без салона красоты.

И еще многое другое,
Что наполняет жизнь мечтой,
Когда за близких ты в покое,
Когда в согласии с собой.

Когда и в час после работы
Уставшей от мирских забот
Тобою восхитился кто-то:
«Какая женщина идет!»

Чтоб этот признак обаянья,
Как код, заложенный судьбой,
Был без прикрас и подражания.
Был только твой. Был только твой.

Она играла на рояле
Не для кого-то, для себя.
Казалось, звук в пустынном зале
Рождался из небытия,

Взлетев в порыве упоенья
Над плотью в трепетную высь.
И там, вверху, ее виденья
С небесной музыкой слились.

Все чувства негою объаты,
А руки сами по себе
Играют «Лунную сонату»
Как предсказание в судьбе.

И пальцы клавиши ласкали,
Как птицы сказочной крыло,
Чтоб звуки томные искали
В каморках душ людских тепло.

Но зал был пуст. В бессилье звуки,
Как птицы, бились о стекло.
Скользили по роялю руки,
И время нехотя текло.

Но было ей не одиноко.
На миг от бытности уйдя,
Ведь с легкой грусти поволокой
Она играла для себя.

Как сквозь метель, ты смотришь ровным взглядом.
Улыбку чуткую сковал холодный сон.
Хочу приблизиться и быть с тобою рядом,
Но ты скрываешься в тумане снежных волн.

Идешь по улице ты снежной королевой
С душой, застывшею от суетных хлопот.
Остановись же, ледяная дева,
Почуй тепло того, кто вслед идет.

Позволь обнять тебя, согреть своею лаской,
Дай прошептать тебе заветные слова.
Но смотришь ты назад с прохладною опаской,
Движеньем мерзлым «нет» качает голова.

Что ж, видно, нет во мне таких лучей горячих,
Что сгонят лед тревог и снег обид с души.
Явись же тот, с кем будет все иначе,
Кто все твои проблемы разрешит.

Чтоб ты оттаяла, о, королева снега,
Чтоб смыло боль твою, как талою водой.
Но где бы ни был я, ты знай, и с кем бы ни был,
Я счастлив был и тем, что виделся с тобой.

Где та истина зарыта,
Что собака под мостом?
Думал, все прошло, забыто,
Чувства спят покойным сном.

Только жив еще курилка.
И лишь твой почуяв взгляд,
Застучало сердце пылко,
Как десяток лет назад.

Значит, хворост чувств остылых
Не истлел, подсох скорей.
Разгорелся с новой силой
От невидимых лучей.

Эх, гульнем, как было раньше.
Сила есть, душа поет,
Не приемлет сердце фальши,
Коль любовь к себе зовет.

Даже если ненадолго –
Что с того, бери, что есть.
Может, завтра смоем Волга
С сердца трепетную спесь.

Блеклый день, парк почти незаметен.
Сброшен с плеч обветшалый наряд.
Добросовестный дворник-ветер
Разметает обрывки заплат,

Дальше-дальше с газонов уносит.
Кончен бал. Убран праздничный стол.
И последнюю гостью – Осень –
Я домой проводить пришел.

Словно женщину – чуткую, скромную,
Утомленную грузом забот,
Провожу я аллеей укромною
До узорных резных ворот.

За воротами просветом сини
Улыбнется, чуть высветив даль,
Растворится средь уличных линий,
Уходя, зябко кутаясь в шаль.

Хруст листвы лишь коснется слуха.
Здесь тропинке, как девушке, рад.
И каким-то языческим духом
Полон мир, словно эру назад.

А грустится совсем не очень,
Да и вовсе не стоит тужить.
Просто тихо уходит осень,
И я вышел ее проводить.

И вновь скандал. К чему все это?
Ведь ты опять пошла в разнос.
Мы в сваре не найдем ответа
На зацепивший нас вопрос.

Согласен я с тобой авансом,
Пусть будет так, как ты решишь.
Но, словно в ритуальном танце,
Средь кухонных кастрюль кружишь.

Уймись, остынь. Глянь, я спокоен.
А впрочем, продолжай парад.
Так, видимо, наш быт устроен,
Что кто-то в доме виноват.

За то, что не было иль было,
За то, что будет или нет,
За то, что денег не хватило,
За то, что дождь, за то, что снег...

«Жрать будешь?» – «Нет, спасибо. Сытый».
«Кто ж накормил?» – «Пошел я спать».
«И для такого паразита
Я свежую стелю кровать».

Мы встретились нечаянно, неожиданно.
В холодный серый день стекала с крыш вода.
Тебя я не искал, и ты меня желанным
Не называла также никогда.

А были трогательны сдержанные встречи –
Как хочешь их сегодня назови.
И, может быть, в один наш общий вечер
Стояли мы в полшаге от любви.

Но чувствовался горький вкус печали
С фатальной неизбежностью разлук
В том, что друг друга мы тогда держали
На расстоянье вытянутых рук.

Не был я робким, но с тобою рядом
Держал в узде и страсти, и мечту.
И не пытался даже кротким взглядом
Переступить незримую черту.

Возможно, сдержанность посеяла обиду,
Хоть сердце возносило до небес.
Я в наших отношениях увидел
Игру. И из твоей судьбы исчез.

Без объяснений, без порывов страсти.
Как будто бы в небытии пропал.
Не выпивая, расколол на части
С невызревшим вином любви бокал.

Не ведал я тогда, спеша с любовью,
Не выпуская чувственную плеть:
Чтоб новое начать, то старой болью
Тебе необходимо отболеть.

Все это было, было, было...
Наверно, не со мной одним.
Сначала солнцем ослепило,
Потом растаяло, как дым.

В мгновенной вспышке – чувств потоки.
В потоках чувств – отрада, страсть.
Как мимолетны встречи сроки,
Как мощна обстоятельств власть.

Мы с тобой станцуем в этот вечер
Так, как танцевали в первый раз.
Пусть сегодня трепетные свечи
Вновь мерцают нежно лишь для нас.

И давай забудем все плохое,
Что с тобой пришлось преодолеть.
Знаем мы об этом только двое,
А сегодня сердце хочет петь.

Били нас соблазны и тревоги,
И обид сжигающая ржа.
Мы смогли осилить все дороги,
Только лишь друг другом дорожа.

Мне твое желание разгадать бы
И твоей мечты увидеть след,
Чтобы серебром от нашей свадьбы
Осветить их путь на много лет.

И опять сегодня станем юными,
Хоть и дочь, как мы в те дни с тобой.
Так давай же чувственными струнами
Разметим привычный наш покой.

Как тогда, станцуем в этот вечер,
Я к тебе прижмусь, как в первый раз.
Пусть мерцают трепетные свечи
Лишь для нас и только лишь для нас.

Ах, не хвалите, я того не стою.
Мы о грядущем вместе не мечтали.
Хотя, быть может, вижусь Вам героем,
Но не развеять Вам моей печали.

И не томитесь, чувства напрягая,
Не вправе я воспринимать их пыл.
Хотя, быть может, ни одна другая
Не воскресит того, что я забыл.

Вы мне простите сдержанность сухую,
Чем между нами ставлю интервал.
Хотя, быть может, ни одну другую
Я даже в мыслях так не обожал.

Да, Вы способны растопить и камень.
Да, Вы способны воскресить и пепел.
Хотя, быть может, оба мы лукавим,
Нас держат врозь невидимые цепи.

Остынет сердце, бившееся страстно,
И будет меркнуть дней минувших пламя.
Хотя, быть может, и судьба не властна
Стереть все то, что не случилось с нами.

Так что же нужно нам от встречи?
Зачем молчим мы в этот час?
Вернуть далекий лунный вечер,
Когда молчали, как сейчас?

Тогда, сочувствуя молчанью,
Нам парк таинственно внимал.
А от свиданья до свиданья
Я умирал и воскресал.

Не объяснить теперь нам чувства.
Волнений прежних в сердце нет.
Немного тягостно и грустно,
Но ни к чему искать ответ.

Забыть бы все. Так было б проще.
И жить, как-будто вновь рожден.
Но растеряла тайны роща,
А лунный свет сечет дождем.

Оставим так, как все сложилось.
Не повторишь время вспять.
И нет у нас ни чувств, ни силы,
Чтоб русло жизни поменять.

Маргарите

По гулкой улице столицы
Спокойна, сдержанна, стройна
Ступает деловая львица.
В свой четкий мир погружена.

Чуть холодна, но не надменна.
Достойна, знает себе цену.
И в этот мир любой кумир
Не проберется в ее мир.

Здесь мир иной. Москва забыта.
У озера в сосновой куще
Стоит очаровашка Рита,
Внимает плеску волн бегущих.

Прохладной негой манят волны.
И взгляд ее, надежды полный,
В даль неизвестную стремится.
Что ждет она? Бродягу-принца?

Но грусть покорно отступает,
И взор ее не так глубок.
И в Маргариту расцветает
Очаровательный цветок.

Глаза блестят, и жжет улыбка,
И стройный стан соблазном гибким
Возьмет любого принца в плен.
Нет, не Ассоль она – Кармен.

А синий сумрак ниже, ниже.
И в томной глубине аллеи
Марго из светского Парижа
Чарует тайною своей.

В глазах ее уже загадка.
И шустрый франт, до женщин падкий,
Застыл, не разгадав вопрос,
Как будто прытью в землю врос.

Она же – незнакомка Блока.
Весной иль осенью далекой
До наших дней за сотню лет
Крамской писал ее портрет.

Свете

Меня не трогают ни идолы, ни фетиш,
И звездным символам лишь романтично рад.
Но все меняется, когда однажды встретишь
Тот женский мягкий, ироничный взгляд.

Вот так и здесь – как добрая примета,
Как добрый знак на весь грядущий день,
Воспринимается при встрече наша Света,
И растворяются тоска, хандра и лень.

И, право, хочется загадывать желанья
И позабыть обиды всякий раз,
Когда ты удостоишься вниманья
Ее приветливых и чуть лукавых глаз.

Но где взяла ты этот взгляд, улыбку,
Что жгут, как на Азовском берегу?
Ужели вышла с географией ошибка
В чудской глуши в январскую пургу?

Тогда блестили инеем березы,
Кружила вальс под окнами метель.
Но в этот день в крещенские морозы
Согрелась Светой детская постель.

И лишь теплело сердце в злую пору,
Когда и кошку не пускали за порог.
А сердцу в такт в заоблачных просторах
Отстукивал копытом Козерог.

За годы сердце холодней не стало.
И оттого желаю всей душой,
Чтобы все те, кого оно касалось,
Всем отвечали той же теплотой.

Лизе

Задушевна октябрьская прелесть,
Кроток влагой наполненный взгляд.
Но сегодня деревья оделись
В честь тебя в самый лучший наряд.

В облаках перелетные стаи,
В дальний край пролагая маршрут,
С днем рожденья тебя поздравляют
И курлыча приветствия шлют.

И в вечерней туманности сизой,
Где пролег их загадочный путь,
Ты услышишь: «Будь счастлива, Лиза,
В жизни стойкой, уверенной будь».

Осень землю листвой засыпает.
Сбрось и ты прошлой грусти печать,
Чтоб, как в даль улетающей стае,
В жизни цели своей не терять.

Аришеньке

Земля в ночи устало дышит,
Уснувший мир покой хранит.
Угомонилась и Ариша,
Курносый носиком сопит.

Разлиты волосы, как волны.
В глубокий сон погружена.
Ей шлет виденья сказок полных
С небес волшебница Луна.

Но разгорается над крышей
Румянощекая Заря
И будит спящую Аришу
Лучами цвета янтаря.

Как из фонтана, солнце льется,
Весельем заразило всех.
Девчонка бегают, смеется,
Как колокольчик, раздается
С веселым переливом смех.

Но день устал. Все тише-тише
Его беспечный перезвон.
Пора в кроватку и Арише.
Досматривать вчерашний сон.

Жизнь – лукавый маскарад
Под личиной в зале.
Далеко не каждый рад,
Чтоб его узнали.

Заводной калейдоскоп
В элитарном свете.
Среди масок, сисек, жоп
Кто гусар, а кто холоп
В этом винегрете?

Может, в том не их вина,
То, что прячут рожи.
Только Золушка одна.
Императрица – тоже.

И как в любые времена,
Под триумфальной аркой
Быть скромной Золушка должна,
Императрица – яркой.

Нам каждый год в одну и ту же дату –
Другого просто в жизни не дано –
Судьба подносит, как медаль солдату,
В бокале горько-сладкое вино.

Держа его невидимой рукою,
Коснется губ узорчатым стеклом.
А в том вине – вкус страсти и покоя,
Измена с верностью тем впитаны вином.

В нем – пряность опыта и терпкий мед,
И горечь стойкая от болей и обид.
И сердце от него и хочет петь и плачет,
Вновь возвращаясь в прожитые дни.

Хоть не всегда тот вкус меняем сами
В смешеньи поводов от радостей до тризн.
Но пусть твое вино бурлит, как пламя,
В бокале тонком под названьем жизнь.

А это значит: как бы жизнь ни била,
Гнала иль шла дорогой неспеша,
Вновь наполняться будет свежей силой
Твоя неугомонная душа.

Останется такой же молодою.
А через годы в новый юбилей
Бокал поднимешь твердою рукою:
«Эй, не скупись, судьба, еще налей!»

Летит наездница лихая,
Копытом искры высекает.
Летит за новою удачей,
Вновь цель заветная маячит
Там, вдалеке.
В глазах – огонь. Ретивый конь.
Аркан в руке.

Легко Фортуна не сдается.
Дары свои достать придется
Из кладовой.
Держи сильней свою удачу.
Наверняка
Она не любит тех, кто плачет.
Дрожит рука.

Паденья, слезы, боль измены
Познала ты.
Твой конь блестит от пота, пены,
Грызет узды.

Но твой удел – азарт погони,
Твой хлеб и соль.
И снова к цели мчатся кони,
Не чуя боль.

Лишь добрых чувств в погоне этой
Не растеряй.
Смешаются все гаммы цвета,
И ад, и рай.

Остынь немного в день весенний,
Сойди с седла.
Земля готовится к цветению,
И ночь светла.

В один такой же день погожий
Из прошлых лет
Явилась ты по воле божьей
На белый свет.

Не лъщу и в пожеланьях краток:
Да будь с тобой
В груди – азарт, в дому – достаток,
В душе – покой.

А, право, странная картина:
То ль радость чуешь, то ли страх,
Когда увидишь лик Ирины
С лукавой тайной на устах.

Улыбкой томной Моны Лизы
Как будто говорит с тобой:
«Тебя насквозь, голубчик, вижу.
Пой свою песню, пташка, пой».

И не понять – корит иль манит
С кокетством ироничный взгляд,
Надежду шлет или обманет,
Но всюду смысл не наугад.

Расчетлива иль осторожна?
В застолье с краешку всегда.
И догадаться невозможно,
На сердце радость иль беда.

Движенья плавны, что у киски,
Ступает мягко, как в песок.
И кажется, он близко-близко,
Мурлыкающий голосок.

И манит он, что свет в окошке,
Соблазном милого общенья.
Похожа дева на ту кошку,
Что горделиво, без смущенья,
Порой наперекор судьбе
Сама гуляет по себе.

Я, как Эдип пред сфинксом древним,
Ответ пытаюсь получить:
Кому улыбка Иры внемлет?
Что излучают глаз лучи?

И даже чувственная лира
Не помогла раскрыть секрет.
Нет, ты не Ира – Мона Ира.
Так будь такую много лет.

Любе

Во всем пригожа наша Люба:
Степенно павой подойдет,
Словечко не проронит грубо,
Но чем-то за душу берет.

Едва смущенная улыбка
Не опьяняет, а манит.
Мутит сознание негой зыбкой
Румянец ласковых ланит.

И кроткий взгляд стрелой не колет,
А как-то исподволь, шутя
Берет тебя в свою неволю,
Как неразумное дитя.

Создание северной природы,
В ней тот же сдержанный завет.
Тоскою личной непогоды
Не затуманить белый свет.

Цвети, былинная Любава.
Пускай пошлет тебе Перун
В семью – доход, друзьям – забаву,
На сердце – звуки нежных струн.

Смиренно преклонив колени,
Желает счастья – Евгений.

Пани Ане

Скучая в болдинской глуши,
Изрек поэт в момент порыва:
«Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотишки чернобривой».

И впрямь, хотя с поры туманной
Промчалось много бурных лет,
Но встретишь взгляд хохлушки Ганны
И убедишься: прав поэт.

Заслышишь смех дивчины гарной,
Что звон серебряных монет.
Ослепнешь в блеске глаз коварных.
И точно – блекнет белый свет.

Знал, что сказать повеса пылкий,
Ценитель тонкий женских чар.
От Ганны, словно от горилки,
В душе взгорается пожар.

И затаишься думкой странной,
Такой, хоть ляг и помирай:
Как заманить ее, кохану,
Хоть на минутку ночью в гай.

Когда в веселую хвилину,
Она спивает песню-быль,
Почуешь, как на Украине
В степях колышется ковыль.

Тоне К

Скрыл туман пеленою просторы,
Улетели последние птицы.
В неприметную тихую пору
Довелось тебе, Тоня, родиться.

Только тихою жизнь не бывает,
То маня, то судьбою гоня.
Словно птиц перелетную стаю,
Нас уносит в чужие края.

Но всегда, что судьба ни назначит,
Будь любых обстоятельств сильней.
Чтоб с тобой оставалась удача
И любовь, и здоровье детей.

Пусть в душе твоей чувственно дремлет,
Отзываясь в положенный срок,
И пригорок любимой деревни,
И речной пароходный гудок.

Хоть назад не вернуться, как птицам,
Но как Родины милый намек,
Пусть встречаются добрые лица,
Те, что волжский занес ветерок.

Наверно, это добрая примета:
Когда уже пройдя немало лет,
Встречаешь молодость, которой имя – Света,
И снова ищешь жизненный совет.

В веселой и чарующей улыбке,
Не изменившейся за этот срок,
Вдруг высветились все свои ошибки,
Которых раньше разглядеть не смог.

Все это просто, и сложнее не бывает.
И не спасают здесь ни знанья, ни мольба.
В сиянии глаз твоих все напрочь забываешь.
Возможно, это и блаженство, и беда.

Цветущая июльская природа
Тебе оставила все лучшие черты.
Поэтому в любую непогоду
Так греть улыбкой можешь только ты.

Судьба строга. Вновь не простит ошибки.
И я боюсь нечаянной рукой
Поколебать твой непростой и зыбкий,
Но все же устоявшийся покой.

И если в наши общие мгновенья
Я был излишне тороплив и смел,
Хочу за это попросить прощенья,
Пока тебе вконец не надоел.

Пусть эта присказка, как божий свет, не нова,
Когда лукавый бес разит бока,
Но, как бы ни было, прими признание снова
От бесшабашного седого дурака.

А в заключение без пафоса и лести,
И искренне, как на большом суде,
Я пожелаю чувствами из песни –
«Всего того, что вы желаете себе».

Вере

Словно сказочный принц, заступивший на трон,
Бал давал величавый Июнь.
В окружении юных, цветущих персон
Сам был весел, игрив и юн.

В нежном кружеве красок в сверкающий день,
Когда вишню сжигали цветы
И бурлящею пеной кипела сирень,
Появилась на свете и ты.

Ах, как был расточителен юный монарх,
Одарив тебя щедрой рукой.
Все, что лучшего было в цветущих садах,
Его Светлость оставил с тобой.

И, скользя в синеве, опадают цветы,
Пред тобой проходя в менюэте,
И приветствуя их, улыбаешься ты
Лучезарной зарей на рассвете.

Сиротливо ждут на ветках
В старом дядином саду
Яблоки подругу Светку,
Колыхаясь на ветру.

Это я, не сознавая,
Натворил нелепых дел:
Вместо сбора урожая
Шел с подругой в «Бельведер».

Лишь потом пришло прозренье:
Ну, какой я идиот!
Помешал сварить варенье,
Сладкий яблочный компот.

Стыдно, стыдно мне, Светлана,
Но, поверь, готов я сам
Быть тем яблочком румяным,
Что прильнет к твоим губам.

Как слепой, блуждаю в чаще.
Видно, счастья не дано.
Ты сама хмельней и слаще,
Чем из яблоков вино.

Лиде

И все ж на сердце терпкая обида.
Я говорю об этом не тая.
Ну почему ты, дорогая Лида,
Покинула родимые края?

Наверно, дома что-то не хватает..
И вот идешь ты сквозь туманный плен.
Тебя заметив, чинно окликает
Глухим набатом долговязый Бен.

Там, в деловом круговороте Сити,
По шумной улице спешит наоборот
С прической прибранной и гладенько побритый
Левосторонний аглицкий народ.

Устои местные тебе уже не дики,
Привычки стойкие их дедов и отцов.
Не растворишься же ты в толпе безликой,
Знакомое славянское лицо.

А дни идут своим походным маршем
То не спеша, то в суете большой.
Но я надеюсь, даже за Ла-Маншем
Останешься ты с русскою душой.

Сотрудники полиции Маардуского городского отделения старший инспектор И. Кастюк, констебль В. Марков, следователь А. Деев. 1992 год.

Курсанты ТССШМ МВД СССР на весеннем субботнике. 1982 год.

*На занятиях
в Таллиннской
специальной
средней
школе милиции.
1975 год.*

Обеспечение порядка на Нарва мнт во время Олимпиады. 1980 год.

ВИКТОР СОКОЛОВ

Подполковник милиции

Виктор Иванович Соколов родился в 1930 году в Ленинграде. В 1947 году окончил авиатехническую школу, а затем – военное училище. Военскую службу проходил в рядах ВМФ. После демобилизации был направлен на учебу в Вильнюсскую высшую партийную школу и после ее окончания работал на ответственных должностях в органах МВД Таллинна, где отвечал за воспитание личного состава. Награжден орденами и медалями: «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и др. Умер в 1982 году.

Верны мы долгу своему всегда

Музыка Уно Найссоо

Работа наша очень нелегка,
Но есть у нас хорошая традиция:
Зовет служить лишь только смельчака
В свои ряды Советская милиция.

Ведь риск у нас всегда само собой,
Отвага – спутник наш незаменимый.
И по законам мужества с тобой
Мы верно служим родине любимой.

Когда тревожный вызов по 02
В дежурной части нашей раздается,
И чья-то неизвестная беда
Всегда в душе волнением отдается.

И по зеленой улице когда,
Как «скорая», машина наша мчится,
Мы на посту и на чеку всегда.
На нас, товарищ, можешь положиться.

И потому доволен я судьбой,
Что службою своей могу гордиться.
Что сердце беспокойное со мной
И для людей оно во мне стучится.

И если в нашей службе непростой
Нам говорят с теплом: «Моя милиция»,
То, значит, мой товарищ дорогой,
Верны мы долгу и своим традициям.

Olümpia valss*Muusika Uno Naissoo*

REFR.:

Me Tallinna liivane kallas
Ja muulid, kus kajakanaer –
Siin purjede alla,
Siis purjede alla
On julgetel asuda aeg!

Nüüd jahid, mil mastides paisumas tiivad,
Olümpose saadikuid võistlema viivad,
Sest jumalail jälle kord teada on soov,
Kes kuulduse karikast võitjana joob.
Siin taevas on sinine, valged on linnud
Ja võitluste ärevus kõikidel rinnus.
Las kobrutab lainete harjal vaht
Ja tulvil on sportlikku tuult kogu laht.

Me sõpruses võtame vastu siin kõiki,
Kes meresid seilanud risti ja põiki.
Kord tujukad iilid, kord ilm läbimärg,
Kuid südameid sidumas vendluse pärg.
Ja lõpuks, kui läbi on jõudude proovid,
Las kingiks regatilt siis jääda veel soovid,
Et tagasi jälle kord päikesekuul
Teid kutsuksin Pirita lained ja tuul.

1979

Олимпийский вальс*Музыка Уно Найссоо*

Припев:

Наш таллиннский берег песчаный

И пирсы, где чайки кричат.

Мы парус поднимем,

Мы парус поднимем –

Пришло время смелых ребят!

И яхты, расправив, как крылья, свои паруса,
Помчат нас, посланцев Олимпа, к сраженьям.

Ведь время пришло внять желаньям богов

И чашу победы испить в завершение.

Здесь синее небо и белые птицы,

Желанье побед распирает нам грудь.

Пусть пенятся волны, не зная границы,

Спортивным ветрам открывая свой путь.

Для дружбы повсюду откроем мы двери

Всем, море познавшим, кто морем взлелеян.

Бывает, с досадой, промокнув насквозь,

Но с морем он связан навек и всерьез.

И под конец, меру сил испытав,

В подарок желанье одно ты оставь:

Вернуться сюда в месяц, солнышком полный,

Куда принесут тебя Пирита волны.

1979

Перевод Людмилы Симагиной

Vana kuunar*Muusika Uno Naissoo*

Ta tekil viise tuuleflööt kord hõiskas
Ja taglast täitis tormi jäme hää...
See vana kuunar juba aastaid seisab
Siin muuli ääres seitsme tuule käes.

REFR.:

Las puhub tuul,
las puhub tuul nüüd üle taeva
Ja keerutab purjede sees!
Las puhub tuul
Ja sihi poole iga laeva
Viib üle vee, viib üle vee!

Ta tegi tööd ja vaeva nägi kõikjal,
See vana hall ja vapper merelind.
Nüüd sinilaineid lahekäärus löikab
Kesk suvesära jahi nooljas rind.

Eks sama tuul ka jahte lahel saadab,
Võib igas purjes kuulda flöödi häält.
Neid luigetiibseid vana kuunar vaatab
Siin muuli ääres seitsme tuule käes.

1977

Старая шхуна*Музыка Уно Найссоо*

Шхуна старая, стоящая
Много лет на берегу.
С ветром, флейтою свистящим,
Гулом шторма на слуху.

Припев:

Пусть дует ветер,
Пусть дует ветер
И поднимает паруса!
Пусть дует ветер
И направляет паруса
Всех кораблей, в морях идущих!

Проделан путь морской большой работы
Отважной шхуной, старой и седой.
Теперь покой. Лишь море омывает
Корму, изношенную синею волной.

И тот же ветер яхты погоняет,
И каждый парус флейтою свистит.
А с берега за ними наблюдает
На вечный якорь вставший исполин.

1977

Перевод Натальи Веебер

Kiri BAM-ilt*Muusika Uno Naissoo*

Su kiri täis igatsust lendas mu juurde
Ja südames kuulsin su häält igas reas.
Kõik, sala mis aimatud, tõeliseks muutus –
Nüüd kohe mult saama ka vastuse pead.
Nii kiire kui telegramm miski ju poleks,
Kus vastan, et armastan minagi sind...
Kuid kõik ju võimatu öelda seal oleks,
Mis toimub mu hinges ja erutab mind.

Suur Siber nüüd alistab jälle kord taigat –
Me rahvas siin rongide jaoks rajab teed,
Et elu kord võidaks need vaikivad paigad,
Et tõuseksid linnad ja laulaksid veed.
Nii kiire kui telegramm miski ju poleks,
Kuid selles liig kergeks jääks sõnade kaal,
Kui tundeile lisamas hingust ei oleks
Amuuri ja Baikali hiidmagistraal.

Suurt usku siin looduse vägevus nõuab,
Nii edasi muldel vaid läeb terastes.
Ja usu ka sina, et siia kui jõuad,
Siis meiegi elus suur algus on see.
Sul saata ma postiga võiksin need mõtted,
Kuid aeglane liiga on kiri mu jaoks.
Ja seepärast abiks melodiat võttes
Las lendab su juurde mult vastuseks laul!

1975

Письмо с БАМАА*Музыка Уно Найссоо*

Письмо твое, полное грусти, ко мне прилетело из дали,
И в сердце моем твоим голосом строки звучали.
О чем мне мечталось, теперь для меня стало явью.
И тотчас ответ свой тебе я пошлю,
Где срочно бы, как в телеграмме,
Звучало бы, что и тебя я люблю.
Но все, чем живу, что тревожит,
Не силах сказать тебе все же.

Сибирь здесь отныне тайгу покоряет,
Народ поездам здесь пути пролагает,
Чтоб жизнью воспрял край, молчавший все годы,
Чтоб город возник, расплескались бы воды.
Со скоростью телеграммы рассказ получился б едва ли.
Весомее слова бы мне направить вдаль,
Чтоб описать то мощное понятие,
Каким мне видится Байкала и Амура магистраль.

Величье веры в мощь природы здесь необходимо.
Чем дальше, тем оно острей.
Поверь и ты, коль здесь была бы зримо,
Что и у нас пошла бы жизнь быстрее.
Тебе послать по почте мог бы эти мысли,
Но слишком долог был бы этот путь,
Поэтому, мелодию призвав на помощь,
Ответ мой, песней ты отправлен будь!

1975

Перевод Людмилы Симагиной

Aastad*Muusika Uno Naissoo*

Neid paiku tean ja pean meeles ma –
BAM, Jenissei, Taset ja Angara.
Suur on me maa, kus noorus on teel,
Kaugused igal pool ootavad eel.

REFR.:

Noorus ja ta aastad –
Need on tormakad kui jõed.
Noorus ja ta aastad –
Need on enda leitud tõed.
Noorus ja ta aastad –
Neist jääb jälgi üle maa,
Kaunim miski olla
Neist ei iial, iial saa!

Me teame käies neid raskeid teid –
Elu üksainus kord antud on meil.
Leek loitku ikka seal rahva heaks,
Nõnda et häbi eal tundma ei peaks.

Ning eilset algust seob homne päev,
Sõpru on igal pool, sõprus on jääv.
Ei peatu noorus, käib ühte laul –
Truudus on püha meil, töös on me au!

1976

Годы

Музыка Уно Найдсоо

Места я эти знаю и в памяти храню –
БАМ, Енисей могучий, Тайшет и Ангару.
Страна у нас огромна, открыты все пути
И дали необъятны, где молодым идти.

Припев:

Молодость наша и годы ее –
Бурливы они, словно реки.
Молодость наша и годы ее –
Отыщем в них правды истоки.
Молодость наша и годы ее
Следы в нашей жизни оставят.
Прекраснее этого нет ничего,
Ее мы всегда будем славить!

Известны нам трудности этих дорог,
Дается нам жизнь лишь однажды.
Пусть пламя добра освещает нам путь!
Не знать нам стыда и не ведать вражды.

Вчерашний день связует день грядущий,
Открыты дружбе наши все сердца.
Пусть песней зазвучат слова, которые споете:
Как святость верность сохраним, а труд – в почете!

1976

Перевод Людмилы Симагиной

Воспоминание о ВПШа

Мы собрались сюда со всей Прибалтики,
Мы собрались сюда в ВПШа.
Присущи молодость нам и романтика,
Которая студентам всем дана.

Пришли учиться мы тридцатилетними.
И хоть семейные у нас дела,
Учеба сделала нас всех студентами,
Учеба молодость нам всем дала.

Окончим школу мы и все разъедемся,
Уедем в разные мы города.
Но не изгладятся у нас из памяти
Воспоминания о ВПШа.

Вильнюс, 1964 год

Капитан милиции Сергей Богданов на субботнике. 1970 год.

Сотрудники Управления БХСС МВД ЭССР. 1990 год.

Курсанты Учебного центра МВД ЭССР на экскурсии на обрыве Тюрисалу. 1975 год.

Подполковник милиции С. Богданов и майор милиции И. Кастюк с кино-режиссером Игорем Гостевым («Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта», «Фронт в тылу врага»). 1979 год.

АРТУР ЧУЛИЦКИЙ

Артур Георгиевич Чулицкий родился в 1966 году в Таллинне. В 1988 году окончил Таллиннскую специальную среднюю школу милиции, в 2003-м – Академию внутренней защиты Эстонии. В 1988–1991 годах работал в МВД Эстонской ССР на разных должностях, с 1991 по 2002 год – в МВД Эстонской Республики. Секретарь Клуба ветеранов правоохранительных органов Эстонии.

Фотографии из серии «Двери»

Почему двери? Дверь, калитка, ворота, лаз – это вход и выход. Мы приходим в этот мир и уходим из него через вход и выход. За дверью родного дома ждут близкие, за дверью в чужом городе – неизвестность. Вся служба в милиции/полиции связана с дверьми и замками. Вор ломает запор, чтобы украсть. За арестованным захлопывается дверь камеры. Любое путешествие начинается с выхода через дверь. Фотографии сделаны в разных странах, но их объединяет то, что изображенные на них двери являются немymi свидетелями истории.

Пояснения к фотографиям:

1. Иерусалим. Вход в Сионскую Горницу, помещение на верхнем этаже дома, где была совершена Тайная Вечеря, последняя пасхальная трапеза Иисуса Христа с учениками.
2. Иерусалим. Храм Гроба Господня, заложен в IV веке. Лестница на Голгофу, где, согласно Священному Писанию, был распят, погребен, а затем воскрес Иисус Христос. За время, прошедшее с момента постройки, по этой лестнице прошли миллионы паломников.
3. Краков. За этими дверями работал будущий папа Иоанн Павел II.
4. Краков. Дверной молоток в виде головы льва.

5. Краков. Дверной фасад. В столичном королевском городе работали приглашенные из Италии знаменитые мастера, поэтому облик Старого города так напоминает Рим и Флоренцию.

6. Краков. Закрытая дверь – это всегда чья-то тайна.

7. Мармарис. В сухом турецком климате дерево долго не гниет. В старой части города сохранились двери, которым на вид не менее 100 лет.

8. Мармарис. Дверной молоток в виде мужской руки с перстнем. В мусульманских странах дом традиционно делился на мужскую и женскую половины, куда не было входа чужакам. Гость-мужчина пользовался дверным молоточком в виде руки. Женщины переходили на свою половину, чтобы не попасть на глаза чужаку.

9. Мармарис. Дверь в подвал.

10. Родос. Створка ворот в замке Родосской крепости. Остров Родос в Средиземном море является своеобразным историческим заповедником. В течение 6000 лет там жили греки, римляне, византийцы, рыцари, турки-османы, евреи, итальянцы и снова греки.

11. Родос. Двери в Старом городе.

12. Родос. Монастырь на горе Филеримос.

13. Родос. Парк Родины. Основан 2000 лет назад. Около 100 лет назад итальянцы привели в порядок. Ныне находится в заброшенном состоянии.

14. Родос. Створка ворот на входе в крепость. По верху ворот идет надпись арабской вязью.

15. Родос. Объявление о продаже участка в Старом городе. За дверями – пустырь. До Второй мировой войны в городе жило около 2000 евреев, потомков переселившихся в 1280 году евреев-сефардов, бежавших от преследований испанской инквизиции, а также пленных, захваченных рыцарями в Крестовых походах. В 1943 году немцы оккупировали остров и в июле 1944 года отправили почти всех евреев в Освенцим. После войны на остров вернулись единицы. Город сильно пострадал от налетов союзной авиации, восстанавливать дома было некому.

16. Линдос на острове Родос. Дверной молоток – наследие прошедших веков.

17. Кохила. Двери амбара в имении Койль.

18. Пярну. Двери склада.

19. Пярну. Окно склада.

20. Таллин. Дверь дома на ул. Марта.

ЮРИЙ ШАРИК

Подполковник милиции

Юрий Алексеевич Шарик родился в 1937 году в поселке Горагорск Чечено-Ингушетии. Срочную службу проходил в танковых частях Поволжья. Окончил Таллиннскую школу милиции и юридический факультет Ленинградского государственного университета. Работал оперуполномоченным Управления милиции МВД ЭССР, преподавателем ТССШМ МВД СССР. Вышел на пенсию в 1989 году в звании подполковника. Автор книги «Это в старости, друзья, привилегия моя».

О милицейской службе

Из книги «Это в старости, друзья, привилегия моя»

Далее – отдельные «заплатки» на моем ло-
скутном одеяльце памяти – о милицейской
службе.

Воочию я оценил значение руководи-
теля и деятельность подразделения с уходом
на повышение в Москву начальника. Отдел
развалился, утратилось единство в команде.
Подобное я пережил еще раз при смене на-
чальника школы милиции, награжденного ор-
деном за успешное руководство нашим учеб-
ным заведением, на другого – «ботаника», так
у нас называли человека со стороны, абсолю-
тно не разбирающегося в том, что происходит
вокруг. И это был медленный конец: учебное
заведение, входящее в пятерку подобных в
стране, потеряло себя.

Но это было потом. А сейчас – об опер-
работе. Казалось бы, все ясно: волка ноги
кормят, бегай, ищи, хватай и ты – победитель.
Однако каждый из нас знал золотое правило
– любые акции, мероприятия, шаги должны
быть документально оформлены, иначе грош
цена твоей беготне. Бумаг было очень много, а
составлять и оформлять их надо уметь.

Специфика оперработы – это наличие так
называемого допуска к секретной работе. Се-
кретов было видимо-невидимо, достаточно
сказать, что статистические данные о пре-

ступности были закрытыми, события о тяжких преступлениях – тоже и прочее. Существовал определенный порядок оформления допуска, и каждый год это должно было подтверждаться. А поскольку носителями (в те времена) такой информации в основном были бумаги, то и отношение к любой бумаженции было трогательно-аккуратным. У каждого «допущенного» имелись личные сейфы, печати и личная подпись за ВСЕ, включая знания соответствующих статей Уголовного кодекса. К строго охраняемому относилось и удостоверение сотрудника оперподразделения, утрата которого приравнивалась к потере табельного (личного) оружия.

Соответственно, была масса дармоедов, контролирующих, обеспечивающих, наказывающих... Бдительность – наше оружие. Это понятно: каждая бумажка была под грифами ДСП, С, СС...

Кстати: моим непосредственным руководителем группы был майор, старший оперуполномоченный, опытный сотрудник, могущий бога за бороду схватить. Но как только сообщали, что его разыскивают (могли и подшутить) работники канцелярии по поводу какого-то секретного документа, человек терял рассудок – бледнел, зеленел, начинал заикаться.

При назначении на должность я попал к этому классному оперативнику. Он чувство-

вал себя комфортно в этой оперативной буче, которая, как известно, была кипучей. В ходе разработок мы сообща что-то придумывали, предлагали свои варианты оперативных комбинаций, и каждый имел право ляпнуть все, что считал нужным по делу, – мы все, вне зависимости от опыта, звания, возраста, имели право равного голоса. Не единожды майор звонил мне, бывало, поздним вечером, я бежал к нему домой в район Тынисмяги, чтобы обсудить какой-нибудь оперативный фортель.

Вспоминая все это, удивляюсь: да, молодость, возможно, наивность. Но небольшая зарплата... Не считаясь со временем, а ведь у каждого была семья, дети, рабочая шестидневка, бывало, и семидневка. Не демонстрируя, не рекламируя, не докладывая о своем усердии наверх – это категорически не принималось, мы делали свое дело и старались, чтобы все было тип-топ.

Кстати: прочитал недавно в местной газете, что за сверхурочные (?!), выходные, праздничные дни нынешним полицейским причитается отдельная оплата. Вот подвалило! А что – преступники теперь совершают свои делишки с 9:00 до 17:00?

Так произошло, я уже давно преподавал в ШМ, дослужился до подполковника, попал с какой-то болячкой в свой ведомственный медицинский стационар. Узнал, что в нем находится и мой учитель Хейно Мартис. Ра-

зыскал его. Одиночная палата, рядом – его жена, с которой я был знаком. Меня ничего не насторожило. Хейно лежал, слабый, немного поговорили, не хотелось беспокоить, ушел. По телефону попросил Юлю, чтобы она организовала какой-то гостинец для Мартиса, она его хорошо знала. Когда на следующий день собрался его навестить, то узнал, что ночью он умер.

Светлая тебе память, Хейнрик Карлович, и спасибо за науку!

Еще немного побрюзжу на тему «тогда и сейчас». Все мои медалки и знаки отличия останутся внуку, показал ему место хранения. Надеть их для посещения редких профессиональных сходов? Боже упаси! Это вызов, сопряженный с антигосударственным проступком! И не менее.

В 1961 году в стране (СССР) шла денежная реформа. Напряжение в МВД было на пределе. Приказ министра: всех сотрудников – в строй и вперед, на охрану пунктов обмена денег. Общественный порядок в Таллинне обеспечивался курсантами школы милиции. Мне «посчастливилось» быть в их числе.

Учебный процесс в ШМ проходил в обычном режиме. Кроме того нас задействовали на обеспечении порядка в ходе массовых гуляний, спортивных мероприятий и прочих скоплений народа. И курсантики – ничего, выдержали.

Прогуливаясь в редкий выходной с Юлей, я услышал, как мне показалось, выстрелы. Попросил ее подождать и умчался – моим товарищам, возможно, нужна была помощь.

А как осыпают различными наградами нынешних работников полиции! В мою бытность молодой участковый в поселке Кехра при задержании пьяного хулигана был тяжело ранен, ему ампутировали ногу. В итоге – крошечная пенсия + медаль. Нам тоже что-то перепадало, но крайне редко и в исключительных случаях.

Хранил как зеницу ока выписку из приказа (кусочек бумажки), недавно все перерыл, но не нашел. Погоревал даже. По памяти: ...наградить оперуполномоченного ОБХСС Управления милиции ЭССР лейтенанта милиции Шарика Ю. А. в сумме 10 рублей... Все это – истинная правда! Пригласил в кафе «Тооме» старшего группы Мартиса, заказали бутылочку коньяка + 2 шоколадные конфеты + 2 чашки кофе = 5 рублей. Остальные 5 рублей шеф велел отнести домой. Жена, увидев меня после кафе, заявила, что ей не очень нравятся мои героические поступки, вернее то, что происходит потом. Глупенькая, она не знала, что такое может выкинуть только 25-летний лейтенантик, да и то, если это заметит начальство и отметит как-то. Больше подобных наград (в денежном эквиваленте) не получал. А жаль – хорошо тогда посидели в кафе.

Еще о наградах. Случайно мне удалось задержать грабителя с ножом. Заодно представил потерпевшего, свидетелей, вещдоки – полный комплект. Некоторое время спустя я был приглашен к начальнику Центрального РОВД (был такой в истории) подполковнику Науму Абрамовичу Шполянскому (колоритный человек, одно ФИО чего стоит). Явился, теряясь в догадках, это была не моя «территория». Прямиком в служебный кабинет. Хозяин молча открыл сейф (!) и достал бутылку коньяка. Опрокинули по стопочке с лимончиком, запомнил фразу начальника: «Это тебе награда за того... (невоспроизводимо)». Было и такое!

Как все молодые, мы тоже могли попижонить. Наша группа имела свою «униформу», по примеру руководителя ходила в белых рубашках китайского производства «Дружба» с обязательно крахмаленными манжетами, воротничком и непременно – в галстук. За спиной реплика: «Эти ребята из группы...»

Я завел себе курительную трубку (замечу – не был курящим). Когда мне требовалось глубокомысленно задуматься, она (трубка) торчала изо рта. Крайне редко я набивал ее табаком «Капитанский» и раскуривал. Мне казалось, что я в таком положении похож как минимум на Холмса.

Еще немного о «сейчас и тогда». Была и своя большая ложка дегтя в нашем опербытии – продвижение по службе. Точнее, его полное

отсутствие. Вначале – начинающий, затем – опытный, потом – ас, но все это – с неизменной зарплатой и обычно – в одном звании. А ведь такие явления, как здоровое тщеславие, амбициозность и пр., никто не отменял.

Перешел и я на другую работу. Не совсем по душе, но сказать, что жалею об этом, нельзя. Получил звание, прибавку к зарплате, в семье уже было двое детей. Но своих прежних коллег, товарищей по оперработе Вальдура, Велло, Акселя, Женечку не забывал. Была у нас в группе женщина, что уже само по себе *nonsens*. Милое симпатичное создание, главный специалист по допросам – проводила она их великолепно. Начальника отдела, рискнувшего принять меня, салагу лопоухого, к себе в отдел, «старшего» Хейно... Всех вас забыть невозможно. Хорошая была страничка в моей биографии!

Школа милиции и новые знакомые.

Я уже рассказывал о своем появлении в этой жизни в форме курсанта школы милиции. О быстротечности происходящего, о странном восприятии случившегося. Отмечал, что учеба давалась мне легко, нравились необычные учебные предметы, их разнообразие, новизна событий. Быт, порядок, организация учебного процесса в определенной мере соответствовали воинскому, моему танковому училищу, так что для меня все было ясно и понятно.

Мы привыкали оказывать помощь подразделениям МВД. Такое не было редкостью: в непростое время при проведении денежной реформы, в обеспечении правопорядка при общереспубликанских мероприятиях, в нарвской операции по выявлению, задержанию разыскиваемых лиц (оперативная обстановка в Нарвском регионе была всегда сложной), в оказании помощи транспортной милиции, особенно на железной дороге, на электропоездах *et cetera, et cetera...*

А еще – так называемые внутренние наряды. Самым неприятным, во всяком случае, для меня, был наряд на кухне – заготовка дров, чистка котлов, мытье грязной посуды, наведение в столовой общего порядка, хотя помещения были не очень приспособлены для этого. Правда, были и свои «прелести» – если наша «кухонная служба» вообще заслуживала хорошей оценки. Заведующая столовой Майя Савельевна, очень строгая женщина с редкой доброй улыбкой, говорила нам: «Идемте, мальчишки, к столу!» Кормила чем-то вкусненьким, домашним.

В соответствии с приказом министра, курсантами могли быть отслужившие в армии. Среди нас были и армейские сверхсрочники, так что средний возраст во взводе колебался между 23 и 32 годами. При зачислении в нашей группе женатыми были в основном «старички», а после первого курса – уже половина состава.

Помните: жениться – дело нехитрое!

Спустя некоторое время таллиннские «женатики» (официально!), имеющие положительные аттестации, получали право после самоподготовки (в 18:30) отправляться по домам, а утром в 8:15 обязаны были быть на общем построении. Однако наиболее прыткие ловкачи исчезали уже после обеда. Я же обычно, как пай-мальчик, просиживал над книгами. Сохранилось фото: во время контроля самоподготовки учебным отделом я – один (!) в классе! Зачитался нечаянно.

Кроме общепринятых учебных занятий у нас была общая и специальная физподготовка, в частности – боевое самбо. Факультативно – стенография, машинопись. Я старательно, не жалея времени, шлепал по клавиатуре старой машинки и смог заполучить кое-какие навыки. Впоследствии это, как и многое другое, очень пригодилось.

В оружейной комнате у каждого был «свой» пистолет. В списках по алфавиту я был далеко внизу и поэтому вооружен по «остаточному» принципу – мне достался снимаемый с вооружения легендарный ТТ. Мы с ним «подружились». Это солидный, «убористый», удобный для стрельбы пистолет.

Учебные стрельбы проводились недалеко, что называется, «не отходя от кассы». Под руководством подполковника Ф. Г. Комарова, великолепного, заслуженного человека,

фронтовика, умеющего, не командуя, заставить всех беспрекословно подчиняться, мы спускались вниз с ныммеской горки и среди песчаных насыпей на территории (бывшего) городского стрельбища пуляли по мишеням. Теперь на этом месте – спортивный комплекс Политехнического университета, вокруг строго в ряды – уже подросшие сосенки, которые сажали мы, «менты» (ненавижу это слово происхождением из грубого блатняка – и попробуй кто-нибудь в то время использовать его в наш адрес!). Чуть дальше – жилой комплекс Мустамяэ, в оружейный прицел были видны крыши строящихся домов. Мог бы я тогда подумать, что где-то там, в этих домах, будет наша квартира?

В должности оперативника я попал в сборную команду управления по пулевой стрельбе. Мне всегда казалось, что вооруженность сотрудников милиции – это вовсе не дань моде или соответствие традициям. Состоя в штате милиции, я уверовал в это. Но оружие должно быть в надежных руках, в руках только профессионалов, извините за пафос. Кое-где постреливали и постреливают.

В то мое время было запрещено упоминать о так называемых лесных братьях (*metsa sõbrad*). С ними, по вельможному мнению, давно было покончено. Но даже мы, курсанты, знали, что это не так. Дело происходило в 70-х годах в одном из небольших районов Цен-

тральной Эстонии. Молодой оперативник, недавний выпускник нашей школы (я его хорошо знал и отмечу, что существенно, – эстонец по национальности) получил от руководства указание проверить информацию о появлении в округе вооруженного неизвестного. Оценив реально ситуацию и получив табельное оружие, Калле в одиночку, к сожалению, как обычно, отправился на проверку сообщения.

Без подробностей: при попытке задержания неизвестный открыл стрельбу, ранил лейтенанта в челюсть, тот вынужден был открыть огонь на поражение. Вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении сотрудника милиции орденом Красной Звезды. Мы все считали – по праву, по заслугам. Хороший курсант, симпатичный парень, успешный оперуполномоченный... Все время думаю об этом: как теперь живетса этому уже немолодому человеку, бывшему сотруднику МВД, в новом мире, когда вчерашние бандиты, умеющие стрелять в спину, объявлены национальными героями?

Помню, как я радовался, получив в День милиции высшую республиканскую награду – Почетную грамоту Верховного Совета ЭССР с вручением памятного знака (симпатичный значок с той еще эстонской символикой).

Возвращаемся к курсантскому бытию.

Распорядок дня способствовал, как теперь говорят, здоровому образу жизни. Утром

– подъем. Громыхая обувью (сапожищами), мы бежали в сторону трамплина (его остатки еще торчат в Нымме?). Там, под кронами сосен, – понятно, что. В это время, в соответствии с расписанием, мимо по узкоколейке (такое было, кто об этом транспорте теперь помнит?) проезжал маленький паровоз с маленькими вагончиками, а пассажиры этого почти игрушечного транспорта смотрели на нас, делающих свое дело. Пытались стыдливо прятаться за сосны...

Теперь, когда я от случая к случаю оказываюсь в районе *Nõmme turg*, около здания бывшей школы милиции, то смотрю на окна: вон там – учебное помещение нашего взвода, рядом – окна моего кабинета, а тут – помещения спортзала и тира. Аптека – на месте, за спиной была конечная остановка автобуса № 10, на нем я возвращался после свидания с Юлей. На этой площади сохранилось здание бывшего ДК «Нымме», в котором проводились общешкольные мероприятия, собственного актового зала у нас долго не было.

Улочка за углом, где обычно проходили занятия по осмотру места происшествия, связанного с ДТП и повлекшего тяжкие последствия. На проезжей части укладывался манекен мужчины по имени Ганс (подарок немецкой полиции), одетый в приличный костюм, с хорошо «сделанным» лицом и вообще... Лаборант обливал место события томатным соком,

и мы принимались за дело: участок обносился специальной лентой, собирались зеваки, а мы, надув щеки, пыхтели рядом с «трупом», изымали следы, устанавливали «очевидцев» и пр. Были случаи, когда посторонние, не понимая, что это учебное занятие, начинали активно помогать выявлять тип и марку виновного транспортного средства, громко возмущались поведением «лихачей» и, конечно, тем, «куда смотрит милиция».

Летом нас направили в подшефный колхоз для заготовки сена. Мы планировали подзаработать, нам это обещали, а мы и поверили. С шутками, со смехом вкалывали до посинения, тягловая сила (лошадки) не выдерживала, умудрились для местных своими силами дать концерт. Спали мы на сеновале, кормили нас только отварной свиной с молоком. В итоге – никаких денег. Более того: нам сообщили, что мы еще и остались должниками. Несмотря на формально полное гособеспечение, шиковать мы особо не могли, но мы были молоды и хотели как-то приодеться, что-то приобрести. А потом – семьи.

Событие того времени: строевой смотр. Начальник курса обходит шеренги курсантов, внимательно осматривает каждого и вдруг... на брюках одного отваливаются лампасы и повисают, как две макаронины. Начальник замирает, мы в строю с отвисшими челюстями – как это? Объяснение, как выяснилось, про-

стое: у парня не было лишней обычной пары брюк. Направляясь в город, он снимал с форменных штанов две красные матерчатые полосы, а возвращаясь, как-то «пришпиливал» их к брючинам. Подполковник «толстым голосом» пояснил нарушителю, что это не дело. Курсант не был наказан, и это плюс нашему курсовому. Все было бы смешно, если бы не было так грустно.

В нашей группе был Виктор из Валга – сильный спокойный увалень, занимался спортом, имел знаменитые заношенные кеды с надписью химическим карандашом буквы «Л», что означало спортивное общество «Локомотив». Так вот, однажды Витя спросил у толпы: «Что-то, ребята, мы ни разу не собирались за столом вместе?» Ну, сказал и сказал, все поддакнули, и на этом – все. Вскоре Виктор громогласно объявляет: «Всех с девушками и женами приглашаю на свою свадьбу!»

Но тут бутерброд – маслом вниз. Наш взвод в тот день заступал на суточное дежурство – как резервная группа, на всякий случай. Переносить свадьбу из-за каких-то «тягот и лишений» милицейской службы? Кто-то остался «на стреме» в казарме, каждые полчаса, как оговорено, держали связь по телефону, другого варианта просто не было. Все обошлось, никаких ЧП не случилось.

А мы, такие веселые, в форменной одежде, завалились в квартиру невесты, в каменный

дом-барак на ул. Асула, с комнатами-клетушками справа и слева по длинному коридору, пугая жильцов этой домины, которые далеко не все были законопослушными, мы это знали.

Сидели «в два этажа», закуски на такую толпу – кот наплакал. Но выпили, пожелали чего-то молодым и, проводив своих подружек, жен, прибыли, как огурчики, на вечернюю проверку. «Веселенькие» были, пьяные – нет.

Известный интерес мы проявляли к своим преподавателям. Теперь, прошедший разными тропами от курсанта до подполковника и завершивший свою трудовую милицейскую деятельность в должности преподавателя, я, наверное, могу кое-что как-то оценить. Преподаватели наши были разные – как по умению передать премудрости учебного материала, так и по отношению к нам, своим ученикам.

Прослушав лекции, оценив (со своей колокольни, конечно) проведение семинарских и иных занятий, я вычислил то, что хотел. На одних занятиях я изображал повышенную (завышенную, если хотите) заинтересованность, старательность в учебном деле, а сам (грешен?!) занимался, как говорят педагоги, посторонними делами. Отгородившись от препода стопкой книг, благо сидел за последним столом, я читал, читал запоем, чаще всего художественную литературу, все то, что упустил за время армейской службы. Простите,

но очень серенькие были некоторые лекторы и их занятия. Зато на занятиях у других я сидел, наострив уши из-за опасения что-то пропустить.

Среди последних оказался преподаватель юридических дисциплин Ю. М. Лившиц. С ним мы виделись чаще, он еще исполнял обязанности (простите за суконный язык) преподавателя, прикрепленного к нашему взводу, классного наставника. Он был молод, теперь могу сказать точно – ему было 28 лет, мы обращались к нему соответственно – «товарищ старший лейтенант» (аж!), а за спиной (грешен, мое авторство) называли «классной дамой». Коллеги звали его Юрием Максимовичем. Потом выяснилось, что это вольный перевод инициалов Ю. М. – по документам он проходил как Юзеф Максович.

Кстати: вскоре после нашего выпуска (1962) Юз, теперь я так обращаюсь к нему, покинул школу милиции, защитил кандидатскую, докторскую, стал профессором. Вот такие «глыбы» возвращались на милицейской почве.

Отмечу, что Юз как классная дама «зареккомендовал себя только с положительной стороны» (типовой набор слов из служебной аттестации). Он не читал нам нотаций, не проводил бесед о моральном облике. Мы пытались не давать никаких поводов для «активизации» воспитательной работы. Во взводе не случалось ничего экстраординарного, хотя

жизнь (эта «особа женского пола») была весьма соблазнительна.

Дипломы (юрист 3-го класса) и погоны лейтенанта обмывали в ресторане «Kevad» (в переводе с эстонского «Весна»). Позже этот торговый комплекс реконструировали, и теперь «весеннего» ресторана, увы, уже нет. По традиции на банкет были приглашены, по нашему разумению, и некоторые преподаватели, помню их, но не всех. Но что там присутствовал Лившиц, это точно. Мы с ним вместе шутили, смеялись, горланили песни – все это, кроме песен, есть на фото. Так моя Юлька вблизи увидела Юза.

О самом Лившице, о его семье и о том, как мы подружились, расскажу потом.

Объявление приказа о присвоении званий, вручение дипломов происходило скромно, в старой деревяшке (пристройке), называемой лекционным залом. Из высоких чинов присутствовал незнакомый пожилой полковник, как было сказано, замминистра ВД, а все остальное напоминало рядовой междусобойчик. Меня попросили занять место в президиуме и выступить от имени выпускников. Уже потом, переваривая происходящее, удивился тому, почему на подиуме оказался я, если в нашем выпуске был Борис Сущинский, который получил «красный» диплом. По всем правилам, именно Боря должен был сделать то, что поручили мне.

Как оказалось, и этому есть объяснение. В армии я стал членом КПСС, доложил об этом, став курсантом ШМ, встал на учет в местной парторганизации. Посещал собрания, на которых обсуждалось всякое, в том числе «злободневные вопросы текущей жизни».

Однажды черт меня попутал. На очередном партийном сборе кто-то критически отзывался о связи одинокой преподавательницы (ужас!) истории КПСС, члена партии с большим стажем (два раза – ужас!) с курсантом, который устроился жить у нее и, как было сказано, они вели совместное хозяйство (кошмар!).

Кстати: сейчас по мне – да живи ты на здоровье с кем хочешь, когда хочешь, как хочешь, с общим или раздельным хозяйством или еще как. А тогда моя реплика под протокол: «Это не очень достойно» вызвала серьезное негодование сексуально озабоченной дамы.

При сдаче госэкзамена по истории КПСС (хотя историей там и не пахло – был перечень партийных съездов и их решений) все члены комиссии выставили мне 5, кроме обиженной дамы, преподавательницы курса, отказавшейся подписывать протокол с моей пятеркой. Все так и осталось. В итоге – у меня обычный «синий» диплом, что не вызвало у меня никаких отрицательных эмоций, но на вкладыше с отметками против истории КПСС у меня стоит синяя точка. Что имеем в остатке: «красный» диплом ждал меня до последнего.

Через годы об этом случае мне рассказал сотрудник учебного отдела. Так что, мужчины, «не бойтесь данайцев, дары приносящих» и не конфликтуйте с женщиной – она вам не простит.

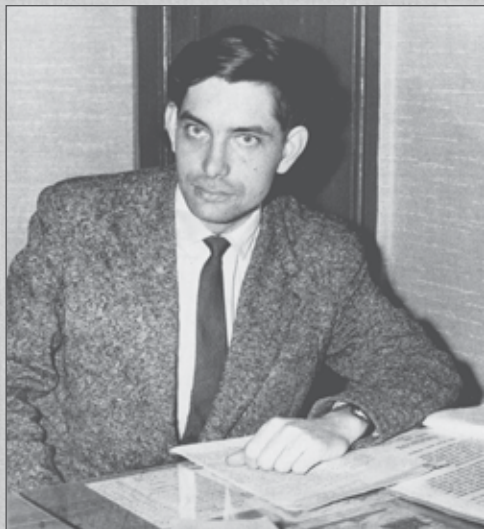
Не могу объяснить причину, но с малолетства я более благосклонно относился к мужчинам – врачам, учителям, руководителям, парикмахерам, водителям транспорта. Словом, ко всем, с кем обычно находишься в какой-либо зависимости.

*Курсант
Таллиннской
школы милиции
Юрий Шарик
на сдаче
госэкзамена.
1962 год.*

*Юрий Шарик в должности преподавателя Таллиннской школы милиции
за оформлением ведомостей. 1982 год.*

*Оперуполномоченный
Юрий Шарик на службе.
1964 год.*

Ю. Шарик, А. Гусин и М. Петрова (Лившиц) в Русском драматическом театре на торжественном акте, посвященном 40-летию ТССШМ МВД СССР. 1984 год.

НИКОЛАЙ ШКАПЕРИН

Полковник милиции

Николай Иванович Шкаперин родился в 1941 году в крестьянской семье в деревушке Тайлово Печорского района. В семнадцать лет покинул отчий дом, работал, учился. Окончил военное училище, затем – Академию МВД. Тридцать лет отдал государственной службе, пройдя путь от рядового до полковника. В молодости многие пишут стихи. Это и понятно – молодой душе созвучен лиризм окружающего мира. Но лишь немногие проносят привязанность к этому виду поэтического творчества через всю свою жизнь.

Владимиру Высоцкому

В зените слава над тобой витала.
При жизни не пришлось ее познать.
Элита часто обижала,
Но ты умел не унывать.

С гитарой никогда не расставался,
Дарил народу песни и стихи,
Со здоровьем не считался.
Годы, как вода в реке, текли.

Горела жизнь, как свечка восковая,
Талант искусство возвышал.
Пришла известность мировая,
Делами ты ее завоевал.

Творенье разума в сердцах людей осталось.
В искусстве вечно ты живой.
Созвездье твоим именем назвалось.
В сердцах друзей всегда ты молодой.

Стражи порядка

Каждый день на постах
Охраняют порядок в стране
Молодые ребята в шинелях
И люди с сединой на висках.

Незаметен их труд,
Он следов не оставит порой.
Но случится беда,
Их на помощь зовут.
И, рискуя собой,
Они смело вступают
В неравный бой.

Часто смотрят смерти в глаза,
Подставляя тела
Под ножи и бандитские пули.
Всем известны становятся
Их имена
В современной литературе.

Грибная пора

Приехав в лес, вошел в него.
Здесь очень тихо и тепло.
Бреду по мягкому коврику
И полной грудью я дышу.

Любуюсь травой-муравой,
И слышу шелест листьев над собою.
Щебечут птицы в вышине,
Все нервы расслабляются во мне.

Вот сыроежечка стоит,
В одиночестве грустит.
Вдали темнеет боровик,
Как будто он к земле приник.

В траве попрятались волнушки,
Стоят, как детские игрушки.
Их розовый узор
Притягивает взор.

Подосиновик на крепкой ножке
Растет на узенькой дорожке.
На трухлявом пне
Опять семейство повстречалось мне.

На холме подберезовик растет,
Он грибников давно здесь ждет.
В смешанном лесу увидел я лисичек,
Этих рыженьких сестричек.

В прелой гнили
Увесистые грузди жили.
На опушке леса цвел иван-чай.
Сегодня собран хороший урожай.

Русалка

Седые волны Балтики окутаны туманом,
Не виден горизонт в кромешной пелене,
Но где-то там, за океаном,
Сверкает солнце на земле.

Парк Кадриорг в ненастную погоду
Безрадостно встречает горожан.
Ворвался мрак опять в природу,
Поник и ясень, и каштан.

В вуаль одетая Русалка
На берегу совсем одна
В своем извечном ожидании
Стоит безмолвна и грустна.

Благословляя в путь далекий
Она родные корабли,
Бросает взор свой одинокий
Вослед раздвоенной волны.

«Вы возвращайтесь побыстрее,
На берегу вас семьи ждут.
Держите в море курс точнее,
Дороги к цели приведут!»

Но вот уж горизонт светлеет,
Туман уходит в небеса,
И теплый ветер с моря веет.
Творит природа чудеса.

Таллинн

Иду по улицам столицы.
Ласкает ветер Балтики лицо,
Поток машин навстречу мчится,
И на душе совсем легко.

Наш древний Таллинн, словно сказка,
Он восхищает горожан,
Своей культурой поражает
И рад он искренне гостям.

Архитектуры стиль старинный,
Так много готики во всем.
И Кадриорга вид картинный,
Основанного Петром.

Все это люди сотворили
Руками своего труда.
Нам эту красоту на радость подарили,
Чтоб восхищались ею мы всегда!

Старый Таллинн

Старый Таллинн, ты прекрасен,
Не любить тебя нельзя!
Взгляд лучистый всегда ясен,
Ободряет он меня.

Для живущих постоянно
Иль приезжих отдохнуть
Ты в обличье первозданном
Готов душу распахнуть.

Здесь, на улочках стесненных,
Старина кругом стоит
И туристов удивленных
Красотой своей пленит.

Седые стены крепостные
Окольцевали стольный град,
Башни, словно часовые,
Бессменно на посту стоят.

Вот толстушка Маргарита
Думу думает свою.
У нее врата открыты
Для всех, едущих к порту!

Три старушечки-сестренки
Пригорюнившись стоят,
Их усталые глазенки
На историю глядят.

По каменной брусчатке
В латах рыцари здесь шли,
А купцы рекой широкой
Из порта товар везли.

И на площади базарной
Было весело всегда.
Торговал народ азартно
В те седые времена.

Город наш, для всех открытый,
Принимаешь ты гостей.
И ликер твой знаменитый
Хорошо бодрит людей!

Судебный зал заседаний*Григорию Бурлаке посвящаю*

Душа в каком-то трепетном смятении
Вползает в черный зал.
Она свершила прегрешение,
И зал ее окольцевал.

Вся мебель, словно ворон черный,
Расслабить нервы не дает.
Стол заседаний стоит гордый,
Скамеек ряд чего-то ждет.

Герб на стуле величаво
Следит внимательно за всем.
Им представлена держава,
Он постоянно глух и нем.

Барьерной стойкой часть пространства
От зала здесь отделена.
Чрезмерность скромного убранства –
Правосудию сестра.

Предметы скромно облачились,
Чтоб мысли в стройный ряд ложились,
К полной истине текли,
И от блага городского
Не отвлекали без нужды.

Подполковник милиции Шкаперин Николай Иванович и начальник Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР генерал-майор Вальтер Ани. 1982 год.

Замначальника ТССШМ МВД СССР подполковник милиции Николай Иванович Шкаперин. 1982 год.

Сотрудники Центрального РОВД поздравляют замполита Кора с днем рождения. 1974 год.

Сотрудники Калининского РОВД поздравляют Вячеслава Коновалова с выходом на пенсию. 1985 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Грищенко	4
Наталья Веебер	20
Иван Кастюк	34
Вячеслав Коновалов	42
Григорий Кострома	50
Юзеф Лившиц	60
Александр Мажаев	86
Владимир Прокофьев	106
Александр Рыбалко	146
Евгений Смирнов	152
Виктор Соколов	210
Артур Чулицкий	224
Юрий Шарик	248
Николай Шкаперин	270